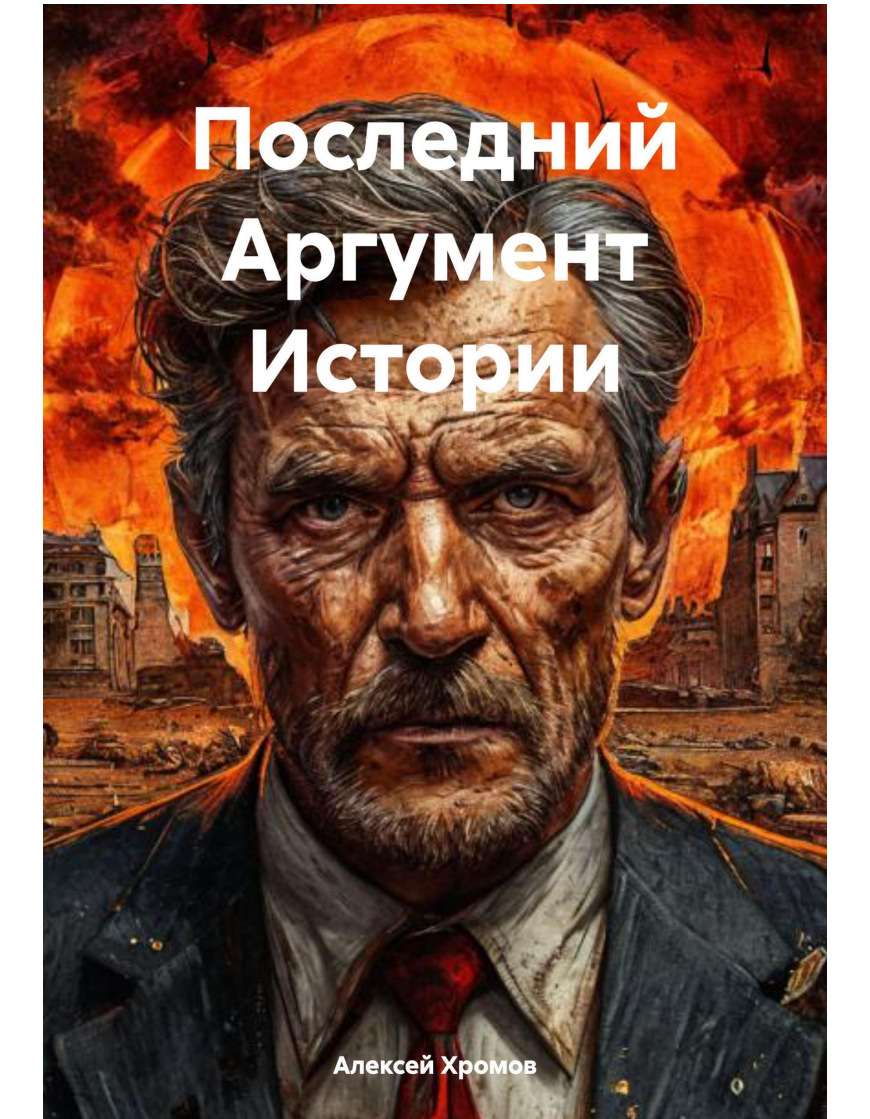

Последний Аргумент Истории

Алексей Хромов

Алексей Хромов

Последний Аргумент Истории

<https://litres.ru/72071488>

SelfPub; 2025

Аннотация

Движимый непоколебимыми марксистскими убеждениями, восточногерманский физик Юрген Рихтер получает шанс переписать XX век – один выстрел, одна пуля в сердце зарождающегося зла. Он верил, что его вмешательство спасет мир от нацизма и приведет к триумфу социализма. Но что, если сама природа зла способна мутировать, находя новых носителей в самых неожиданных уголках мира? Возвращение Юргена в измененный 1985 год становится путешествием в ад собственных иллюзий. Перед ним – мир, пугающе преображенный его действиями, заставляющий столкнуться с разрушительными последствиями своего утопического замысла и задаться вопросом: был ли он спасителем или архитектором нового кошмара? "Последний Аргумент Истории" – это захватывающее исследование соблазнительной силы идеологии, невыносимой тяжести непреднамеренных последствий и пугающего вопроса о том, обречено ли человечество повторять свои самые темные главы в новых, ужасающих формах.

Содержание

Глава 1: Восточный Берлин, 1985. Убеждения и Аномалия.	5
Глава 2: Тайна Лаборатории.	32
Глава 3: Первое Путешествие: XIX век и Осознание.	62
Глава 4: Год 1895. Дилемма Браунау.	92
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Алексей Хромов

Последний

Аргумент Истории

"История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса."

– *Карл Маркс*

"Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошлое."

– *Уильям Фолкнер*

Часть I: Сквозь Трещину Времени

Глава 1: Восточный Берлин, 1985. Убеждения и Аномалия.

Сырой ноябрьский воздух, густой, как вчерашний кофе, цеплялся за серые стены панельного дома на Франкфуртер-аллее, просачивался сквозь щели старых оконных рам в квартиру Юргена Рихтера. Здесь, на седьмом этаже, мир всегда начинался с приглушенного гула города и запаха лигнита, которым топили слишком многие, слишком отчаянно пытаясь согреть кости перед лицом наступающей зимы социализма. Юрген потер заспанные глаза. В зеркале над раковиной, покрытой сетью мелких трещинок, отразился бледный человек с всклокоченными темными волосами и слишком пристальным взглядом, какой бывает у тех, кто много думает о вещах, невидимых глазу. Квартира была такой же, как у всех: две комнаты, типовая мебель из ДСП, пахнущая формальдегидом и пылью десятилетий, книжные полки, прогибающиеся под тяжестью Маркса, Энгельса, Ленина и сборников по теоретической физике, которые для Юргена были почти таким же священным писанием. Он включил старый радиоприемник "Stern-Radio", и из динамика полилась бодрая мелодия, обещающая трудовые свершения. Кофе был горьким, хлеб — вчерашним, но мысль о предстоящей работе в Академии Наук, о его уравнениях, описывающих самые ос-

новы мироздания, грела лучше любого калорифера.

Очередь за овощами у Konsum на углу растянулась на полквартила, серая, молчаливая река людей в одинаково неярких пальто. Лица были хмурыми, усталыми, но привычными к ожиданию. Здесь не было места для отчаяния, только для терпения, въевшегося в самую суть существования. Юрген встал в конец, сунув руки в карманы. Он видел в этих людях не сломленных индивидуумов, как трубили западные пропагандисты, а строителей нового мира, пусть и идущих по трудному, каменистому пути. Каждый сэкономленный пфенниг, каждая картофелина, добытая в этой молчаливой битве, была маленькой победой над энтропией старого мира. Иногда, правда, ловил себя на мысли, что энтропия – дама упрямая, и ей плевать на диалектический материализм. Сегодня в продаже была только капуста и морковь не первой свежести.

– Опять бананов нет, – пробурчала женщина перед ним, обращаясь скорее к воздуху, чем к кому-то конкретно. – Детям бы...

Юрген ничего не сказал. Бананы. Символ потребительского рая, гнилой приманки Запада. Пусть их дети едят яблоки из садов Потсдама, выращенные честным трудом. Так он думал. Чаше всего.

Академия Наук ГДР встретила его знакомым запахом пыльных фолиантов и остывшего чая. Здание из песчаника, монументальное, как обещание будущего, которое никак не наступит в полной мере, но в его кабинете, завален-

ном распечатками и исписанными формулами досками, царил иной порядок. Здесь, среди чисел и теорий, Юрген чувствовал себя свободным. Он работал над проблемой сингулярностей в ранней Вселенной, и иногда ему казалось, что он стоит на пороге чего-то невероятного, чего-то, что может изменить само представление о реальности. Сегодняшние данные с ускорителя элементарных частиц, полученные им утром, были... странными. Необъяснимые пики энергии, короткие, как вспышка магния, но совершенно не вписывающиеся ни в одну известную модель. Он протер очки, снова и снова всматриваясь в графики. Что-то неуловимо смещалось в привычной ткани реальности, как легкая рябь на поверхности слишком спокойного озера. Рябь, которая могла означать что угодно. Или ничего. Пока ничего.

За обедом в институтской столовой, где пахло переваренной капустой и вечным дефицитом специй, его нагнал Ганс Вебер, такой же физик, но с уклоном в прикладные разработки и с менее идеалистичным взглядом на мир. Ганс был шире в плечах, громче смеялся и носил чуть более модный, чем у Юргена, пиджак – явный признак наличия связей или удачной поездки по обмену в Венгрию.

– Ну что, Юрген, опять вселенную на атомы разбираешь? – Ганс плюхнулся напротив, поставив поднос с сосиской и гороховым пюре, которое выглядело так, будто уже пережило одну мировую войну и готовилось ко второй.

– Почти, – Юрген отложил вилку. – Просто пытаюсь по-

нять, почему некоторые частицы ведут себя как анархисты на первомойской демонстрации.

– Может, они просто хотят на Запад? – хмыкнул Ганс, отрезая кусок сосиски. Он всегда любил такие шпильки, балансируя на грани дозволенного.

– На Западе, Ганс, им бы пришлось продавать себя, как проститутки на аукционе корпораций, – голос Юргена стал тверже. – Здесь они служат науке, прогрессу, всему человечеству.

– Человечеству, которое стоит в очереди за туалетной бумагой? – Ганс поднял бровь. – Ты был в Западном Берлине, Юрген? Видел их магазины? Их свободу?

– Свободу потреблять? Свободу быть винтиком в машине, которая перемалывает слабых и возносит наверх самых беспринципных? – Юрген почувствовал, как внутри поднимается знакомое раздражение. – Это не свобода, Ганс. Это иллюзия, упакованная в яркую обертку. Мы строим общество равных возможностей, где каждый вносит свой вклад и получает по потребностям. Да, у нас есть трудности. Но это трудности роста, а не гниения, как у них. Там человек человеку волк. Здесь...

– Здесь человек человеку товарищ, брат и стукач, – закончил Ганс шепотом, но с издевательской улыбкой. Он огляделся, нет ли поблизости ушей Штази. Их здесь всегда было достаточно, они прорастали из стен, как плесень.

– Ты циничен, Ганс. И это опасно.

– А ты идеалист, Юрген. И это, возможно, еще опаснее, – Ганс вдруг посерьезнел. – Знаешь, что я видел, когда был в Гамбурге по обмену? Стариков, роющихся в мусорных баках у супермаркетов. Не от голода – просто им скучно, они никому не нужны в этом их раю изобилия. А еще я видел наркоманов с пустыми глазами на каждой центральной улице. Это цена их «свободы»? Если так, то я, пожалуй, останусь здесь, с нашей капустой и очередями. Но не надо рассказывать мне сказки про то, что там сплошной ад, а у нас – рай земной, пусть и немного отложенный. Мир сложнее, Юрген. Всегда сложнее.

Юрген молчал, размешивая безвкусный чай в граненом стакане. Слова Ганса, как всегда, били в самое больное место. Он сам иногда ловил себя на подобных мыслях, особенно когда читал между строк западные научные журналы, которые ему удавалось доставать. Но он гнал их прочь. Потому что если рухнет вера, что останется? Пустота. А пустота, как знал Юрген-физик, была самым страшным состоянием вселенной. И человеческой души тоже.

– Может, и сложнее, – наконец сказал он тихо. – Но мы, по крайней мере, пытаемся сделать его лучше. А они – только богаче. Для избранных.

Ганс вздохнул и отхлебнул компот.

– Ладно, оставим политику. Что там с твоими анархистскими частицами? Нашел объяснение? Или это привет от инопланетян, недовольных нашими пятилетними планами?

Юрген невесело усмехнулся. Инопланетяне. Иногда ему казалось, что это было бы самым простым объяснением всего того странного, что творилось не только в его лаборатории, но и в мире вокруг.

Вернувшись в свою лабораторию, Юрген погрузился в привычный мир, где время текло по-другому, подчиняясь не тиканию настенных часов, а пульсации формул и гипотез. Его пальцы порхали над клавиатурой терминала, выводя на зеленый экран цепочки символов, которые для непосвященного выглядели бы кабалистическими знаками. Теория струн. Для большинства коллег это была почти ересь, слишком абстрактная, слишком далекая от нужд народного хозяйства. Но Юрген видел в ней не просто элегантную математическую конструкцию, а ключ к пониманию самой сути реальности. Одиннадцатимерное пространство, скрытые измерения, вибрирующие струны энергии, из которых, как из нот, складывается вся вселенная – от кварков до галактик. И, возможно, время.

Время. Это слово завораживало его с детства, когда он, маленький мальчик, пытался понять, куда утекают мгновения, почему вчера уже не вернуть. Теперь, вооруженный знаниями, он видел время не как линейную реку, а как сложную, многомерную структуру, возможно, с петлями, разрывами, тоннелями. Временные парадоксы – убийство собственного деда, бабочка Брэдбери – для него были не просто литературными приемами, а вполне реальными логическими

задачами, вытекающими из уравнений. Что если бы кто-то мог вмешаться в прошлое? Изменить ход истории? Марксистская диалектика утверждала неотвратимость исторических процессов, обусловленных экономическими законами. Но что если... что если существует элемент случайности, точка бифуркации, где крошечное воздействие могло бы направить историю по совершенно иному руслу? Например, если бы Гитлер не пришел к власти? Если бы Вторая Мировая война не выжгла пол-Европы и не унесла двадцать миллионов жизней советских граждан? Мир был бы другим. СССР, не истощенный войной, стал бы еще могущественнее, мировая революция могла бы...

Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Это были опасные игры разума. Его задача – наука, а не контрфактическая история. Но сегодняшние аномальные показания... они снова и снова возвращали его к этим размышлениям. Эти короткие, необъяснимые всплески энергии. Они выглядели как помехи, как ошибки оборудования. Но Юрген чувствовал интуицией ученого – это не ошибка. Это что-то другое. Что-то, что стучится в их мир извне. Или изнутри, из тех самых скрытых измерений, о которых он так много думал. Он снова вызвал на экран графики. Пики были настолько короткими, что их легко можно было принять за статистический шум. Но они повторялись. С какой-то пугающей, едва уловимой периодичностью. Как далекий, искаженный сигнал. Он увеличил масштаб, фильтруя помехи. Да, вот они.

Три крошечных всплеска за последние сутки, каждый длительностью в доли наносекунды. Как будто что-то пытается прорваться сквозь ткань пространства-времени. Или... или ткань пространства-времени в этом конкретном месте, в его лаборатории, истончилась. Дала трещину. Юрген почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в плохо отапливаемом помещении.

Именно в этот момент, когда он напряженно вглядывался в мерцающий зеленый экран, пытаясь разгадать тайну аномальных всплесков, это и случилось. Свет в лаборатории мигнул раз, другой, а потом погас, погрузив помещение в густой, почти осязаемый мрак. Одновременно с этим терминал пискнул и его экран превратился в слепое, зеленоватое пятно. Запахло горелой изоляцией, резкий, неприятный запах, который мгновенно выдернул Юргена из мира абстрактных теорий в пугающую реальность. Короткое замыкание. Обычное дело в старом здании Академии с его изношенной проводкой. Но сейчас это «обычное дело» ощущалось иначе.

– Черт! – выругался Юрген в темноту, нащупывая на столе коробку спичек. Зажег одну, потом вторую, пока не нашел на полке огарок свечи. Пламя неровно заплесало, отбрасывая на стены гротескные, движущиеся тени. Его оборудование, такое сложное, такое чувствительное, сейчас было просто грудой мертвого металла и пластика. Он подошел к главному распределительному щитку в углу. Автоматы были выбиты. Он попытался включить их, но они тут же снова

со щелчком отключались. Что-то серьезно коротило. И это «что-то», как подсказывала ему тревожно сжавшаяся в комок интуиция, было напрямую связано с теми самыми аномальными всплесками.

В слабом свете свечи он обошел лабораторию, прислушиваясь, принюхиваясь. Тишина была почти абсолютной, нарушаемая только его собственным учащенным дыханием и треском свечи. И тут он услышал. Очень тихий, едва различимый гул. Низкочастотный, как будто огромный шмель бился о стекло где-то очень далеко. Или очень близко, но за какой-то преградой. Гул исходил... он не мог точно определить источник. Казалось, он исходит отовсюду и ниоткуда одновременно, вибрируя в самом воздухе.

Юрген замер. Это не было похоже на звук работающего трансформатора или неисправной проводки. Это было что-то иное. Что-то живое. Или, по крайней мере, что-то активное. Он медленно двинулся в ту сторону, откуда гул, казалось, был сильнее – к экспериментальной установке в дальнем углу, той самой, где он пытался зарегистрировать неуловимые гравитационные волны. Установка была обесточена, как и все остальное. Но гул... гул, казалось, становился чуть громче, когда он приближался к ней. И еще что-то. Воздух вокруг установки был... другим. Более плотным, что ли. Как перед грозой, когда атмосфера наэлектризована до предела. И легкий, почти неуловимый запах озона. Такой же, как после сильного разряда.

Сердце Юргена забилося чаще. Это уже не было просто совпадением. Это была цепь событий, которая вела к чему-то неизвестному и, возможно, опасному. Показания приборов. Короткое замыкание. Станный гул. Запах озона. Все это указывало на одно: здесь, в его лаборатории, происходит что-то, выходящее за рамки его понимания. Что-то, что связано с самой тканью реальности. И ему было одновременно страшно и безумно любопытно узнать, что это.

Прошло несколько часов, прежде чем дежурный электрик, ворчливый старик по имени Фридрих, с которым Юрген делил редкие сигареты в курилке, соизволил явиться. Он долго ковырялся в щитке, бормоча что-то про "современную науку" и "хлипкие провода", пока, наконец, свет не зажегся снова, а с ним и оборудование Юргена начало оживать, один прибор за другим, пища и мигая индикаторами. Юрген почти силой выпроводил Фридриха, пообещав впредь не перегружать сеть своими "дьявольскими машинами". Когда за стариком закрылась дверь, Юрген первым делом бросился к терминалу. Данные. Ему нужны были данные за тот период, когда все было обесточено. Внутренний накопитель самописца должен был сохранить информацию.

Дрожащими руками он загрузил последние логи. И замер. Прямо перед моментом отключения электричества, буквально за доли секунды до того, как система умерла, самописец зафиксировал один-единственный, но чудовищной силы всплеск энергии. Пик на графике взлетел почти верти-

кально вверх, зашкаливая за все мыслимые пределы, а затем оборвался, словно его срезали ножом. Это было не похоже на предыдущие, едва заметные флуктуации. Это был взрыв. Концентрированный выброс чего-то, что не имело названия в его словаре физика. Это не была электромагнитная волна в чистом виде, не гравитационное возмущение, не поток известных частиц. Это было... нечто иное.

Он прогнал диагностику. Все системы, казалось, работали в штатном режиме, хотя некоторые датчики показывали остаточный фон, который не должен был там быть. И гул. Он почти исчез, но если очень сильно прислушаться, в полной тишине, можно было уловить его призрак, слабое, едва вибрирующее эхо. Как будто зверь, рычавший здесь некоторое время назад, затаился, но не ушел окончательно.

Юрген начал лихорадочно проверять показания всех доступных приборов. Магнитометр фиксировал странные локальные искажения поля. Счетчик Гейгера лениво пощелкивал чуть чаще обычного, но в пределах допустимой нормы. А вот термодатчики на экспериментальной установке... один из них, самый ближний к центру, показывал температуру на несколько градусов ниже окружающей. Локальное охлаждение. Этого не могло быть. Не без принудительного отвода тепла.

Он снова и снова перепроверял данные, пытаясь найти ошибку, сбой, что угодно, что могло бы объяснить происходящее рационально. Но все цифры, все графики кричали

об одном: здесь, в его лаборатории, произошло событие, не поддающееся известным законам физики. Энергетическая флуктуация такого масштаба должна была оставить после себя более серьезные разрушения, если бы она была, скажем, взрывом. Но ничего не было сломано, кроме выбитых автоматов. Только этот странный остаточный фон, локальное похолодание и... и это необъяснимое чувство, что пространство здесь, в этом углу, где стояла его установка, стало... другим. Тоньше. Как будто старая, заношенная ткань, готовая вот-вот лопнуть по швам.

Его взгляд снова упал на график последнего всплеска. Что-то в его форме, в его резком обрыве, показалось ему знакомым. Где он мог это видеть? Он закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти образы из прочитанных статей, из старых учебников. И вдруг вспомнил. Теоретические работы по кротовым норам, гипотетическим туннелям в пространстве-времени. Графики предполагаемого энерговыделения при открытии и закрытии такой норы. Они были пугающе похожи. Но это же... это же чистая теория, почти научная фантастика!

Юрген почувствовал, как волосы на его затылке встают дыбом. Неужели?..

Вечером, в маленькой, прокуренной пивной "Цур Летцен Инстанц", куда они иногда заходили с Эрихом после работы, Юрген чувствовал себя так, словно внутри у него жуж-

жал трансформатор. Эрих Крюгер, его друг еще со времен университета, был историком, специалистом по Веймарской республике и приходу нацистов к власти. Человек с мягкими чертами лица, в очках с толстыми линзами, которые делали его глаза похожими на глаза удивленной совы, Эрих обладал энциклопедическими знаниями и способностью видеть скрытые пружины исторических событий.

Они сидели за столиком в углу, пили терпкое темное пиво и ели жирные братвурст с кислой капустой. Шумный гомон завсегдатаев, запах жареного лука и табачного дыма – все это было привычным фоном для их разговоров, которые часто уходили от повседневности в дебри философии и истории.

– Ты сегодня какой-то сам не свой, Юрген, – заметил Эрих, внимательно посмотрев на друга поверх кружки. – Что-то с твоими струнами не так? Или партия требует от физиков невозможного?

– Почти, – Юрген отпил пива. Оно было холодным и горьким, как предчувствие. – Скажи мне, Эрих, как историк... ты веришь в то, что называют «переломными точками»? В моменты, когда один человек, одно событие может повернуть ход истории вспять или направить ее по совершенно другому пути?

Эрих задумался, постукивая пальцами по столу

– Это сложный вопрос, дружище. Марксистская историография, как ты знаешь, делает упор на объективные экономические и социальные факторы. Личность в истории, ко-

нечно, важна, но она скорее продукт своей эпохи, выразитель интересов определенных классов. Однако... – он сделал паузу, – нельзя отрицать, что бывают моменты, когда все висит на волоске. Когда решение одного человека, его присутствие или отсутствие в определенном месте в определенное время может иметь каскадные, далеко идущие последствия. Представь себе... ну, например, если бы Ленина не было в апреле семнадцатого. Или если бы его plombированный вагон сошел с рельс. История могла бы пойти иначе. Не обязательно лучше или хуже, просто иначе.

– А Гитлер? – спросил Юрген прямо, глядя Эриху в глаза.
– Если бы его не было?

Эрих поморщился, как от зубной боли.

– О, Гитлер... Это, пожалуй, самый яркий пример. Конечно, условия для возникновения нацизма в Германии были созданы Версальским миром, экономическим кризисом, реваншистскими настроениями. Но без его... его дьявольской харизмы, его ораторского таланта, его способности манипулировать массами, партия НСДАП могла бы остаться одной из многих маргинальных ультраправых группировок. Он был катализатором, той спичкой, которая подожгла бочку с порохом.

– То есть, если бы его... устранили, скажем, в начале тридцатых? – Юрген старался, чтобы его голос звучал как можно более отстраненно, как будто он просто рассуждал теоретически.

– Трудно сказать, – Эрих потер подбородок. – Возможно, его место занял бы кто-то другой. Рем, Штрассер... Но вряд ли кто-то из них обладал бы таким же сочетанием фанатизма и политического чутья. Возможно, Веймарская республика смогла бы устоять. Или Германия пошла бы по другому авторитарному пути, но без этого безумного расизма и стремления к мировому господству. Миллионы жизней могли бы быть спасены. СССР не понес бы таких чудовищных потерь... Да что там говорить, весь мир был бы другим. Это одна из тех точек, где история действительно могла свернуть на другую тропу. Почему ты спрашиваешь? Снова работаешь над машиной времени в своей лаборатории? – Эрих усмехнулся, но в его глазах промелькнула тень любопытства.

Юрген заставил себя улыбнуться.

– Просто размышляю. О хаосе и порядке. О том, как мало иногда нужно, чтобы изменить все. Иногда мне кажется, что вся наша реальность – это всего лишь один из бесчисленных вариантов, реализовавшихся по чистой случайности.

Эрих кивнул.

– Как говорил один мой старый профессор, история не терпит сослагательного наклонения. Но это не мешает нам иногда задаваться вопросом «а что, если?..». Главное, чтобы эти вопросы не отвлекали нас от решения проблем сегодняшнего дня.

Юрген допил свое пиво. Вопросы. У него их было теперь больше, чем ответов. И самый главный из них – тот, который

он боялся произнести вслух даже самому себе – теперь приобретал все более четкие и пугающие очертания. А что, если у него, Юргена Рихтера, физика из Восточного Берлина, появилась возможность не просто задаваться этими вопросами, а... попытаться на них ответить? По-настоящему.

Поздней ночью, когда весь город, казалось, затаил дыхание перед новым трудовым днем, Юрген сидел на своей кухне, прижав к уху наушники старого, потрепанного коротковолнового приемника "Grundig Satellit". Это была его маленькая, тщательно оберегаемая тайна, его окно в другой мир. Сквозь треск помех и завывания эфира, он ловил голоса, которые не должны были звучать в ГДР: BBC, Радио Свободная Европа, Голос Америки. Они рассказывали о событиях, которые официальная пресса либо замалчивала, либо преподносила в совершенно ином свете. Он слушал их не потому, что верил всему безоговорочно – пропаганда была пропагандой, с какой бы стороны она ни вещала. Он слушал, чтобы услышать другую точку зрения, чтобы попытаться составить свою, более объемную картину мира.

И еще он слушал музыку. Ту музыку, которую здесь называли "тлетворным влиянием Запада": The Beatles, Rolling Stones, Pink Floyd, Kraftwerk. Эти звуки, эти ритмы, эти меланхоличные или яростные мелодии были для него чем-то большим, чем просто развлечение. Они были глотком иного воздуха, намеком на то, что за стеной, разделяющей не толь-

ко город, но и сознание, существует другая жизнь, другие ценности, другие способы самовыражения. Иногда он чувствовал себя предателем, слушая эти запретные голоса, эту чуждую музыку. Ведь он был убежденным марксистом, верил в идеалы социализма, в то, что они строят более справедливое общество. Но в то же время какая-то часть его души тянулась к этому запретному плоду, к этой другой реальности, такой манящей и такой непонятной.

Это была его двойственность, его внутренний конфликт, который он тщательно скрывал от окружающих. С одной стороны – лояльный гражданин ГДР, ученый, работающий на благо социалистической науки. С другой – сомневающийся интеллектual, тайно вслушивающийся в голоса враждебного мира, ищущий ответы на вопросы, которые здесь не принято задавать. Он оправдывал себя тем, что для настоящего ученого необходимо знать все точки зрения, даже самые враждебные. Но глубоко внутри он понимал, что дело не только в этом. Было что-то еще. Жажда свободы? Любопытство? Или просто усталость от монотонной серости официальной идеологии, от вечных лозунгов и обещаний светлого будущего, которое все никак не наступало?

Сегодня он поймал передачу ВВС о новых разработках в области компьютерных технологий в США. Говорили о персональных компьютерах, о какой-то сети, объединяющей университеты, о невероятных возможностях, которые это открывает. Юрген слушал, и ему становилось одновременно

горько и завидно. Здесь, в ГДР, доступ к вычислительным машинам был строго регламентирован, а о персональных компьютерах и речи не шло. Они отставали. Отставали безнадежно, несмотря на все усилия, несмотря на талантливых ученых и инженеров. Система, призванная обеспечить равенство и прогресс, на деле порождала застой и дефицит.

Он снял наушники. Тишина в квартире казалась оглушающей после многоголосия эфира. Двойственность. Она разрывала его. Он любил свою страну, он верил в идеалы. Но он видел и ее недостатки, ее ложь, ее страх перед инакомыслием. И теперь, после того, что произошло в лаборатории, эта двойственность приобрела новое, еще более острое измерение. Если у него действительно появился шанс... шанс изменить прошлое... на чьей стороне он окажется? На стороне своих убеждений, своей идеологии? Или на стороне... чего? Справедливости? Здравого смысла? Человечности?

Он подошел к окну. Внизу, на пустынной улице, медленно проехал одинокий «Трабант», его двухтактный двигатель издавал характерное тарахтение, похожее на кашель старого курильщика. Город спал. И Юрген Рихтер, физик-теоретик, убежденный марксист и тайный слушатель вражеских голосов, стоял у окна, чувствуя себя самым одиноким человеком в этом спящем городе, наедине со своей тайной и своим невозможным выбором.

Его тянуло обратно в лабораторию с необъяснимой си-

лой, как лунатика к краю крыши. Сон не шел, мысли кружились, как осенние листья в бурю. Около двух часов ночи, когда внутренний зуд стал невыносимым, Юрген оделся, сунул в карман ключи и фонарик, и выскользнул из квартиры, стараясь не разбудить соседей, чьи уши, казалось, были настроены на любой шорох за пределами их собственных дверей. Ночной Берлин был тих и пуст, лишь редкие фонари выхватывали из темноты мокрый асфальт и голые ветви деревьев. Академия Наук ночью выглядела как заброшенный мавзолей, полный призраков великих идей и несбывшихся надежд. Дежурный вахтер, сонный старик в форменной фуражке, лениво кивнул, узнав Юргена – тот иногда засиживался допоздна.

Коридоры были темными и гулкими, каждый его шаг отдавался эхом, словно он шел по дну пустого колодца. Дверь в его лабораторию поддалась с тихим скрипом. Внутри царил тот же полумрак, что и днем после отключения электричества, но теперь он был еще плотнее, еще тревожнее. Юрген не стал включать верхний свет, только маленький настольный светильник, который бросал на приборы слабый, дрожащий круг света. Он сразу почувствовал это. Воздух. Он снова был другим. Более плотным, наэлектризованным, и тот самый, едва уловимый запах озона, который теперь казался сильнее. И гул. Низкочастотный, на грани слышимости, он вибрировал в грудной клетке, вызывая безотчетную тревогу. Он подошел к экспериментальной установке в углу. И за-

мер, не веря своим глазам.

Там, где днем не было ничего, кроме металла и проводов, теперь... теперь что-то было. Сначала он подумал, что это игра света и тени, оптический обман уставшего воображения. Но это было реально. В воздухе, примерно в метре над полом, висело нечто. Размытое, дрожащее пятно, похожее на рябь горячего воздуха над раскаленным асфальтом, но эта рябь была... темнее, чем окружающая темнота. И она мерцала. Неровно, как пламя свечи на сквозняке, то почти исчезая, то становясь более отчетливой. Она была размером с большой арбуз, неправильной, постоянно меняющей форму.

Юрген подошел ближе, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Это не было отражением, не было галлюцинацией. Он протянул руку... и отдернул ее, как от ожога. Не от жара – наоборот, воздух вокруг этого... этого явления был ощутимо холоднее. Он почувствовал, как волоски на руке встали дыбом, как от сильного статического разряда.

Это был разрыв. Трещина. В самой ткани реальности.

Он медленно обошел это дрожащее пятно. Оно не имело четких границ, оно как будто растворялось в окружающем пространстве, но в то же время было чем-то совершенно чужеродным. Сквозь него... сквозь него проглядывало что-то. Нечеткие, искаженные образы, как если бы он смотрел на мир через толстый слой воды. Он видел... цвета? Движение? Или это просто игра его воображения, пытающегося заполнить пустоту неизвестности?

Он схватил с лабораторного стола длинную стеклянную палочку, которую использовал для перемешивания реактивов. С замиранием сердца, он медленно протянул ее к мерцающему разрыву. Кончик палочки коснулся его... и исчез. Просто исчез. Без звука, без вспышки. Как будто его никогда и не было. Юрген почувствовал, как рука, держащая палочку, стала легче. Он отдернул ее. Примерно десять сантиметров стеклянной палочки отсутствовало. Срез был идеально гладким, как будто его отрезали лазером.

Кровь застучала у него в висках. Это... это невозможно. Этого не может быть. Но это было. Перед ним. Мерцающий, дрожащий, холодный разрыв в ничто. Или во что-то другое.

Он посмотрел на остаток палочки в своей руке, потом снова на разрыв. Страх боролся с безумным, почти болезненным любопытством ученого. Куда исчезла часть палочки? Что находится по ту сторону этого... этого портала? И самый главный, самый страшный вопрос: если что-то может исчезнуть *там*, может ли что-то появиться *оттуда*?

Юрген Рихтер стоял в своей лаборатории посреди ночи, освещенный слабым светом настольной лампы и неземным мерцанием разрыва в пространстве-времени, и понимал, что его жизнь, его убеждения, его понимание мира – все это только что рухнуло. И на обломках этого старого мира началось что-то новое. Что-то невообразимое.

Паника, холодная и липкая, как ноябрьский туман, попыталась было завладеть им, но Юрген отогнал ее усилием во-

ли. Он физик. Ученый. Это явление, каким бы невероятным оно ни было, должно подчиняться каким-то законам, пусть пока и неизвестным ему. Он должен исследовать. Осторожно. Методично.

Он оглядел лабораторию в поисках чего-то... подходящего. Его взгляд упал на старый, потрепанный теннисный мячик, который он иногда сжимал в руке, размышляя над сложными проблемами. Мячик был легким, не представляющим особой ценности. Если он исчезнет, как кусок стеклянной палочки, это будет не так страшно.

Юрген взял мячик. Он был теплым от его руки. Он подошел к мерцающему разрыву, стараясь дышать ровно, хотя сердце все еще стучало, как молот по наковальне. Он занес руку и... бросил мячик. Не сильно, просто направил его в центр дрожащей аномалии.

Мячик, желтый на фоне темного разрыва, пролетел несколько сантиметров и, коснувшись невидимой границы, исчез. Мгновенно. Без звука. Без вспышки. Словно его выключили из реальности. Юрген смотрел на то место, где только что был мячик, потом на свою пустую руку. Еще один предмет просто растворился, поглощенный этой странной, холодной пустотой.

Он попробовал еще раз. На этот раз взял металлический зажим для бумаг. Результат был тем же. Зажим коснулся мерцания и пропал. Словно и не было.

Юрген обошел разрыв, пытаясь заглянуть "внутрь" под

разными углами. Искажённые, размытые образы за дрожащей завесой становились то чуть четче, то снова расплывались, как акварельный рисунок под дождем. Ему показалось, что он видит... что-то похожее на ветви деревьев? Или это были тени? И какой-то странный, незнакомый свет, не похожий ни на солнечный, ни на искусственный.

Он чувствовал, как от разрыва исходит холод, не просто отсутствие тепла, а какой-то первозданный, космический холод, который пробирал до костей. И гул. Он все еще был там, этот низкочастотный гул, который теперь казался голосом самого разрыва, его дыханием.

Юрген притащил небольшой лабораторный столик на колесиках, поставил его рядом с аномалией. Он начал методично бросать в разрыв разные предметы: кусок мела, старую газету, сломанный карандаш, даже свой почти пустой стакан из-под чая. Все исчезало бесследно. Ничто не возвращалось. Ничто не вылетало обратно. Это был односторонний билет в неизвестность.

Он вспомнил свои теоретические работы по червоточинам. Гипотетически, они могли бы соединять разные точки пространства-времени. Или даже разные вселенные. Что если это... оно? Что если этот разрыв – не просто дыра в ничто, а... дверь? Дверь, ведущая куда-то. Или... *когда-то*.

Эта мысль обожгла его. Если это портал во времени... тогда возможности... и опасности... были невообразимы.

Он снова посмотрел на разрыв. Теперь он казался ему не

просто аномалией, а каким-то живым, разумным существом, которое наблюдало за ним, изучало его, ждало. Ждало чего? Чтобы он сделал следующий шаг?

Юрген отошел на пару шагов, тяжело дыша. Голова кружилась. Это было слишком. Слишком невероятно. Слишком страшно. И в то же время... это был величайший научный вызов, с которым он когда-либо сталкивался. Это было открытие, которое могло изменить все.

Он должен был сохранить хладнокровие. Он должен был все задокументировать. Измерить. Проанализировать. Но какая-то часть его, та самая, что слушала по ночам запретное радио и мечтала о других мирах, кричала: «Действуй! Не упusti этот шанс!»

Он посмотрел на часы. Скоро начнет светать. У него осталось не так много времени, прежде чем придут коллеги. Он должен был принять решение. И он почти знал, каким оно будет.

Шокирующее предположение, которое сначала мелькнуло как искра безумия, теперь разгоралось в его сознании всепоглощающим пламенем. Это не просто дыра в пространстве. Судя по искаженным, фантомным образам, проглядывающим сквозь мерцающую завесу, судя по этому необъяснимому холоду, который, казалось, шел из самой вечности, судя по полному исчезновению материи... это мог быть только портал. Портал во времени. Кротовая нора, соединяющая его лабораторию в Восточном Берлине 1985 года с каким-то

другим моментом истории.

Юрген сел на лабораторный стул, чувствуя, как дрожат колени. Его собственные теории, его абстрактные уравнения, которые он годами выводил на доске, вдруг обрели пугающую, почти осязаемую реальность. Он всегда рассматривал путешествия во времени как чисто умозрительную концепцию, интеллектуальную игрушку. Парадокс убитого дедушки, эффект бабочки – все это было материалом для философских дискуссий, а не для практического применения. Но теперь... теперь эта «игрушка» материализовалась прямо перед ним, гудящая, мерцающая и холодная.

Он встал и снова подошел к разрыву, теперь уже не с опаской, а с каким-то священным трепетом, какой испытывает археолог, прикоснувшийся к гробнице фараона. Если это действительно временной портал, то куда он ведет? В прошлое? В будущее? И насколько стабилен этот проход? Может ли он закрыться так же внезапно, как открылся, оставив по ту сторону того, кто рискнет пройти? Или, что еще хуже, выплеснув из своих глубин нечто... чужеродное?

Он вспомнил свои расчеты по теории струн, по многомерности пространства. Теоретически, если свернуть пространство определенным образом, можно было бы создать такой туннель. Но для этого требовались бы энергии, невообразимые для человечества, энергии, сравнимые со взрывом сверхновой. Что же тогда породило этот разрыв? Та аномальная энергетическая флуктуация, которую он зафиксир-

ровал? Но откуда она взялась? Может быть, это естественное явление, случайное совпадение космических факторов, как шаровая молния, только в масштабах пространства-времени? Или... или это результат чьего-то вмешательства?

Эта последняя мысль заставила его похолодеть еще больше, чем близость самого портала. Если кто-то или что-то *создало* этот проход... то с какой целью?

Но сейчас не время для этих вопросов. Сейчас важно было другое. Если это портал во времени, то он, Юрген Рихтер, стоит на пороге величайшего открытия в истории человечества. Или на пороге величайшей катастрофы.

Его взгляд снова метнулся к искаженным образам за мерцающей завесой. Ему показалось, что он видит... что-то зеленое, похожее на листву. И небо. Но оно было другим, не таким, как здесь, в вечно пасмурном Берлине. Оно было ярче, чище. И свет... свет был другим. Более теплым, более золотистым. Как на старых картинах.

Прошлое. Интуиция, острая, как бритва, подсказывала ему, что портал ведет в прошлое. Не в далекое будущее с его летающими машинами и серебристыми роботами, а в какое-то давно ушедшее время.

И тогда, как удар молнии, его осенила мысль, которая перевернула все. Если это прошлое... если можно туда попасть... то можно... можно изменить его. Можно исправить ошибки. Можно предотвратить трагедии.

Гитлер. Имя, как клеймо, выжженное на истории двадца-

того века. Если бы его не было... Эрих прав. Миллионы спасенных жизней. СССР, не обескровленный войной, могучий и процветающий. Весь мир, идущий по другому, более светлому пути. Его марксистские убеждения, его вера в прогресс, его боль за свою страну, которая все еще несла на себе шрамы той войны – все это слилось в один мощный, неодолимый импульс.

Он посмотрел на портал. Теперь это было не просто научное явление. Теперь это был шанс. Его шанс. Шанс человечества.

Страх все еще был там, он никуда не делся. Но теперь к нему примешивалось что-то еще. Решимость. И какое-то безумное, опьяняющее чувство всемогущества.

Юрген Рихтер, физик, стоял перед мерцающей дверью в прошлое, и в его голове уже начинал складываться план. План, который мог либо спасти мир, либо уничтожить его окончательно. И он знал, что не сможет устоять перед этим искушением.

Глава 2: Тайна Лаборатории.

Первый луч рассвета, серый и нерешительный, как похмельный гость, просочился сквозь пыльное окно лаборатории, когда Юрген наконец очнулся от оцепенения. Портал все еще был там, мерцающий, манящий, нереальный. Но время работало против него. Скоро придут коллеги, уборщица, возможно, даже кто-то из партийного комитета с очередной проверкой «морального духа» научных кадров. Никто не должен был ЭТОГО видеть. Пока не должен. Мысль о том, чтобы сообщить об открытии официальным властям, промелькнула и тут же была отброшена. Он слишком хорошо знал, чем это закончится. Портал объявят государственной тайной высшей важности, его самого отстранят от исследований, приставят охрану, а потом... потом его, скорее всего, используют в каких-нибудь военных или идеологических целях, которые будут иметь мало общего с его собственными, куда более гуманными, как ему казалось, планами. А Штази... одна мысль о том, что люди из Министерства государственной безопасности сунут свои цепкие пальцы в эту тайну, вызвала у него тошноту. Они извратят все, превратят это чудо в еще один инструмент контроля и подавления. Нет. Это его открытие. И он сам решит, как им распорядиться.

Он лихорадочно начал замечать следы. Лабораторный стол, на котором он проводил свои «эксперименты» с броса-

нием предметов, был быстро приведен в первозданный вид. Осколок стеклянной палочки он спрятал в карман. Любые необычные показания приборов, которые могли бы привлечь внимание, он постарался стереть из логов или замаскировать под случайные сбои. Но как скрыть сам портал? Он не мог его выключить, как радиоприемник. Он не мог накрыть его брезентом.

И тут ему в голову пришла идея, отчаянная и рискованная. Экспериментальная установка для регистрации гравитационных волн – громоздкая конструкция из металла, датчиков и экранирующих панелей – стояла в том самом углу, где мерцал разрыв. Если немного ее сдвинуть, немного переконфигурировать... Юрген, работая с лихорадочной быстротой, от которой у него вспотели ладони, начал двигать тяжелые секции установки, стараясь создать вокруг портала некое подобие защитного кокона. Это не скрывало его полностью, но, по крайней мере, делало менее заметным для случайного взгляда. Любопытному коллеге можно было бы сказать, что он проводит новую серию калибровок или проверяет чувствительность оборудования. Это было слабое прикрытие, но лучше, чем ничего.

Когда в коридоре слышались первые шаги и голоса, Юрген успел набросить на центральную часть установки, где зиял портал, старое лабораторное покрывало, словно укрывая от холода капризного ребенка. Сам он сел за свой стол, стараясь придать лицу самое обыденное, даже скучающее

выражение, хотя сердце его все еще колотилось так, будто хотело вырваться из груди и улететь в мерцающую бездну за его спиной.

Дверь открылась, и в лабораторию вошел Ганс Вебер, бодрый и как всегда немного насмешливый.

– Что, Юрген, снова ночь в обнимку с уравнениями? Не бережешь ты себя, товарищ Рихтер, не бережешь. Партия этого не одобрит. Ей нужны здоровые, а не гениальные, но полумертвые ученые.

Юрген заставил себя улыбнуться.

– Просто... вдохновение нашло, Ганс. Бывает.

Ганс бросил быстрый, цепкий взгляд на установку в углу, укрытую покрывалом.

– Новая конфигурация? Или ты там контрабандный западный виски прячешь?

– Калибрую датчики, – буркнул Юрген, стараясь, чтобы его голос не дрожал. – Слишком много помех в последнее время.

Ганс хмыкнул, но, кажется, удовлетворился ответом. Он прошел к своему столу, начиная раскладывать бумаги.

День прошел как в тумане. Юрген отвечал на вопросы, делал вид, что работает, участвовал в каких-то бессмысленных совещаниях, но все его мысли были там, в углу, под старым покрывалом, где мерцала и дышала холодом дверь в неизвестность. Он чувствовал ее присутствие каждой клеткой своего тела, как радиоактивный изотоп, как бомбу с ча-

совым механизмом. И он знал, что Штази, со своей вездесущей сетью информаторов и «добровольных помощников», рано или поздно заинтересуется его странным поведением, его ночными бдениями в лаборатории. У него было мало времени. Очень мало. Тайна лаборатории должна была оставаться тайной. Любой ценой.

Ночь. Снова ночь. Но на этот раз Юрген не спал не от тревоги ожидания, а от бурлящего в нем коктейля из страха, возбуждения и тяжести принятого решения. Квартира казалась тесной, как гроб, стены давили, а тиканье часов на кухне отмеряло не просто секунды, а последние мгновения его прежней, понятной жизни. Он лежал на узкой кровати, глядя в потолок, на котором плясали отсветы уличных фонарей, и мысли, как стая взбудораженных ворон, кружили в его голове, не давая покоя.

Возможности. Они были безграничны, как сама Вселенная. Предотвратить Вторую Мировую. Спасти миллионы. Направить историю по пути истинного социализма, без сталинских перегибов, без брежневского застоя. Представить себе мир без фашизма, без Хиросимы, без Холодной войны... Голова кружилась от этих перспектив. Он, Юрген Рихтер, простой физик из ГДР, мог стать тем самым камнем, который сдвинет лавину, изменившую лик планеты. Это было пьянящее чувство, чувство почти божественного всемогущества.

Но тут же, как темная тень, выползли опасности. Эффект бабочки. Он помнил рассказ Брэдбери. Одно неосторожное движение в прошлом – и будущее могло исказиться до неузнаваемости, породив чудовищ, по сравнению с которыми Гитлер показался бы мелким хулиганом. Что если, убив одного тирана, он невольно создаст условия для появления другого, еще худшего? Что если, пытаясь исправить одну несправедливость, он породит тысячу новых? История – это самый сложный механизм, и он, Юрген, собирался сунуть в его шестеренки свой ломик. Кто дал ему на это право?

И историческая справедливость. Что это такое? С его, марксистской, точки зрения, история двигалась по объективным законам, и фашизм был закономерным этапом развития капитализма в его империалистической стадии. Может быть, эта чудовищная война была необходима, чтобы человечество извлекло урок, чтобы народы сплотились против общего врага, чтобы возник социалистический лагерь? Вмешиваясь, не нарушит ли он этот «естественный» ход вещей, не отбросит ли человечество назад, в какой-то другой, неизвестный тупик?

А сам он? Что станет с ним? Если он отправится в прошлое, сможет ли он вернуться? Портал был нестабилен, он это чувствовал. Что если он останется там, запертый в чужом времени, без друзей, без документов, без понимания того, как выжить? Или, что еще хуже, его действия в прошлом изменят его собственную линию жизни так, что он просто...

исчезнет, растворится, как сахар в чае? Перестанет существовать. Мысль об этом вызывала приступ почти физической тошноты.

Но потом он снова думал о миллионах погибших, о разрушенных городах, о детях, сгоревших в печах Освенцима, о солдатах, замерзших под Сталинградом. И чаша весов склонялась. Разве риск одного человека, даже если это его собственная жизнь или само существование, не ничтожен по сравнению с возможностью предотвратить такое море страданий? Разве не в этом высший смысл, высшая справедливость – пожертвовать собой ради блага миллионов?

Он встал, подошел к окну. Город спал, но Юргену казалось, что он слышит его тяжелое, прерывистое дыхание, стоны его прошлого, его незаживающих ран. Нет. Он не мог оставаться в стороне. Он должен был попытаться. Даже если это будет стоить ему всего. Это был его долг. Не как физика, не как гражданина ГДР. А как человека.

Он вернется в лабораторию. И он сделает это. Он должен. Где-то далеко, за Шпрее, в Западном Берлине, начинала играть музыка – приглушенная, меланхоличная мелодия саксофона, доносящаяся из какого-то ночного клуба. Музыка другого мира, другой жизни. Юрген слушал ее, и в его душе боролись отчаяние и надежда. И какая-то странная, холодная решимость. Он был на пороге. И пути назад уже не было.

Прежде чем самому шагнуть в неизвестность, Юрген должен был убедиться, что портал – это действительно улица с односторонним движением, по крайней мере, для неодушевленных предметов. Идея просто исчезнуть в прошлом, не оставив следа, была пугающей. Но еще страшнее было представить, что он вернется, а за ним... что-то еще. Или что из портала само по себе что-то начнет проникать в его мир.

Утром, придя в лабораторию раньше всех, он снова, с соблюдением всех мер предосторожности, приоткрыл «завесу» из лабораторного покрывала. Мерцающий разрыв был на месте, все так же холодно и равнодушно пульсируя. Юрген приготовил несколько небольших предметов, которые заранее промаркировал: нацарапал на них свой инициал «J.R.» и текущую дату. Металлический шарик от подшипника. Небольшой магнит. Пластиковая крышка от какой-то банки. И, наконец, наручные часы «Ruhla», дешевые, но еще работающие – он хотел проверить, как время ведет себя по ту сторону.

Он привязал к каждому предмету тонкую, но прочную леску, другой конец которой закрепил на лабораторном столе. План был прост: опустить предмет в портал, подержать некоторое время, а затем попытаться вытащить обратно.

Первым пошел шарик от подшипника. Юрген, затаив дыхание, медленно опустил его на леске в дрожащее марево. Шарик коснулся невидимой границы и... леска натянулась и тут же ослабла, словно ее перерезали. Юрген дернул. Пусто. Леска оборвалась на самом кончике, там, где был привязан

шарик. Чистый, аккуратный срез, как будто от острых ножиц.

Сердце ухнуло. Не просто исчезновение. Это было похоже на... на то, как если бы по ту сторону кто-то или что-то откусило приманку вместе с крючком.

Он повторил эксперимент с магнитом. Тот же результат. Магнит коснулся портала, леска натянулась, ослабла, и Юрген вытянул лишь ее остаток с идеально ровным срезом.

Пластиковая крышка. То же самое.

Теперь часы. Юрген немного помедлил. Он чувствовал себя так, словно отправляет маленького разведчика на верную смерть. Он посмотрел на циферблат: 7:15 утра. Он опустил часы в портал. Леска предсказуемо оборвалась.

Ни один из маркированных объектов не вернулся. Все они исчезли бесследно, как будто их поглотила невидимая пасть.

Юрген сел на стул, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Это означало две вещи. Во-первых, если он войдет туда, то, скорее всего, не сможет так же просто вернуться, потянув за воображаемую ниточку. Возвращение, если оно вообще возможно, должно быть таким же – через сам портал, если он останется открытым. Во-вторых, то, что находится по ту сторону, обладает какой-то... активностью. Оно не просто пассивно принимает то, что в него попадает. Оно... взаимодействует. Этот ровный срез на леске. Это было странно. Похоже на эффект границы какого-то поля, пересечение которой приводит к разрыву связей.

Он задумался. Если бы он был рыбой и видел, как одна за другой исчезают приманки, он бы, наверное, испугался и уплыл. Но он был человеком. И ученым. И в нем уже горел огонь цели, который заглушал инстинкт самосохранения.

Он должен был попробовать что-то еще. Что-то, что могло бы дать ему хоть какую-то информацию о том, *куда* вел этот портал. Он не мог просто слепо шагнуть в прошлое. Ему нужна была хотя бы приблизительная датировка. Но как это сделать, если ничто не возвращается?

Мысли метались, как пойманные птицы. И тут его осенило. Камера. Если он не может вернуть предмет, может, он сможет получить изображение? Небольшая фотокамера, настроенная на автоматическую съемку через определенные промежутки времени, закрепленная на длинном шесте... Это был риск. Он мог потерять камеру. Но информация, которую она могла бы принести, стоила того.

Юрген знал, что в институтском фотоархиве есть старые, но рабочие малоформатные камеры, которые иногда использовали для документирования экспериментов. Он должен был достать одну. И это нужно было сделать быстро, пока никто ничего не заподозрил. Тайна лаборатории становилась все более опасной, и он чувствовал себя канатоходцем, идущим над пропастью без страховки. Каждый шаг мог стать последним.

Прежде чем рисковать с камерой, Юргена охватила еще

одна мысль, почти инстинктивная – а не сталкивался ли кто-то с подобным раньше? Академия Наук ГДР, при всей своей идеологической зашоренности, была наследницей старых немецких научных традиций. Здание, в котором он работал, было построено еще в начале века. Кто знает, какие тайны хранили его пыльные архивы? Что если подобные аномалии уже фиксировались, но были засекречены, забыты или просто неправильно интерпретированы?

Под предлогом поиска старых публикаций по гравитационным волнам – тема, достаточно близкая к его официальным исследованиям, чтобы не вызывать подозрений – Юрген отправился в институтский архив. Это было мрачное, похожее на склеп, помещение в подвале, где пахло вековой пылью, мышинным пометом и тленом забытых идей. Смотрительница архива, древняя фрау Мюллер, с лицом, похожим на печеное яблоко, и подозрительным взглядом маленьких глазок, выдала ему кипу старых папок и журналов регистрации экспериментов, датированных еще тридцатыми и сороковыми годами, временами, когда в этих стенах хозяйничали другие ученые, с другими убеждениями и, возможно, другими тайнами.

Юрген часами сидел за скрипучим столом под тусклой лампочкой, перебирая пожелтевшие, ломкие страницы. Он искал не конкретные упоминания «порталов» или «временных разрывов» – это было бы слишком наивно. Он искал отчеты о необъяснимых энергетических флуктуациях, стран-

ных сбоях оборудования, локальных изменениях температуры или гравитационного поля, особенно если они происходили в районе его нынешней лаборатории. Он вчитывался в выцветшие записи, сделанные каллиграфическим немецким почерком, пытаясь уловить между строк намеков, какую-то деталь, которая могла бы показаться странной не только ему, но и ученым полвека назад.

Большинство записей были рутинными: измерения, расчеты, описания неудачных экспериментов. Но потом он наткнулся на это. Запись от 17 ноября 1938 года. Руководитель лаборатории, некий профессор Вильгельм Раушенбах, описывал «странный феномен», наблюдавшийся в течение нескольких дней в помещении, которое, судя по прилагаемому плану, было именно тем, где сейчас находилась лаборатория Юргена. Раушенбах писал о «необъяснимом падении температуры», «помехах в работе радиоаппаратуры» и «чувстве беспокойства и дезориентации у сотрудников». Он также упоминал «кратковременные визуальные аномалии, напоминающие дрожание воздуха или марево», которые, однако, не удалось зафиксировать на фотопластинках. Профессор предполагал, что это могло быть связано с неизвестным видом излучения или геомагнитной активностью. Эксперименты были прерваны, а затем, судя по последующим записям, лаборатория была временно закрыта «для проведения профилактических работ». Больше никаких упоминаний об этом «феномене» Юрген не нашел.

1938 год. Всего за год до начала Второй Мировой. За несколько дней до «Хрустальной ночи». Напряженное, предгрозовое время. Могло ли это быть связано? Или это просто совпадение?

Юрген почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если Раушенбах видел то же самое или нечто похожее, значит, этот... портал... не был уникальным явлением, порожденным его собственными экспериментами. Значит, он мог открываться и раньше. И, возможно, он мог открыться снова, даже если Юрген ничего не будет делать. Это делало ситуацию еще более непредсказуемой и опасной.

Он аккуратно переписал себе в блокнот детали из отчета профессора Раушенбаха. Имя, даты, описание симптомов. Это была единственная зацепка, но она была важна. Она показывала, что он не сходит с ума. И что тайна его лаборатории, возможно, гораздо старше, чем он думал.

Когда он покидал архив, фрау Мюллер проводила его все тем же подозрительным взглядом.

– Нашли, что искали, герр Рихтер? – спросила она голосом, скрипучим, как старая дверь.

– Да, фрау Мюллер, – ответил Юрген, стараясь выглядеть как можно более невозмутимо. – Очень интересные материалы. История науки полна загадок.

Старуха хмыкнула.

– Некоторые загадки лучше не трогать, молодой человек. Иногда прошлое кусается.

Юрген пропустил ее слова мимо ушей. Но позже, уже возвращаясь в свою лабораторию, он не раз вспоминал ее предостережение. Прошлое кусается. И он, похоже, собирался сунуть ему в пасть не только палец, но и всю руку.

После находки в архиве ощущение того, что он ходит по тонкому льду, усилилось многократно. Теперь к страху перед неизвестностью портала добавилась паранойя, вполне оправданная в условиях ГДР, где каждый второй мог оказаться осведомителем Штази. Если в 1938 году подобные аномалии были зафиксированы и, судя по всему, засекречены, то не исключено, что и сейчас кто-то наблюдает за его лабораторией, за его действиями, выжидая удобного момента.

Юрген стал еще более осторожен. Прежде чем войти в лабораторию, он теперь всегда проверял, нет ли на двери или замке каких-либо незаметных меток, оставленных «чужими». Внутри он внимательно осматривал помещение, ища следы постороннего присутствия – сдвинутые предметы, едва заметные царапины, пыль, лежащую не так, как вчера. Он даже начал использовать старый шпионский трюк – оставлять тонкий волосок, зажатый в дверном косяке, чтобы проверить, открывал ли кто-то дверь в его отсутствие. Несколько раз ему казалось, что волосок исчезал, но он списывал это на сквозняк или собственную мнительность.

На работе он старался вести себя как можно более естественно, избегая любых разговоров, которые могли бы при-

влечь ненужное внимание. Он больше не засиживался в лаборатории допоздна официально, предпочитая возвращаться туда под покровом ночи, как вор, крадущийся к своей добыче. С Гансом он стал более сдержан, опасаясь его проницательности и привычки задавать неудобные вопросы. Ему казалось, что коллеги смотрят на него как-то иначе, с любопытством или подозрением. Или это просто его воображение, разыгравшееся на почве стресса и недосыпания?

Иногда, идя по улице, он ловил на себе чей-то пристальный взгляд. Мужчина в неприметном плаще, читающий газету на остановке. Женщина, слишком долго рассматривающая витрину магазина напротив его дома. Это были мимолетные ощущения, которые тут же исчезали, но они оставляли неприятный осадок, как привкус металла во рту. Ему начало казаться, что его телефон прослушивают, что за ним установлена негласная слежка. Он понимал, что это может быть просто паранойя, естественная реакция на то напряжение, в котором он находился. Но в ГДР паранойя часто оказывалась самой здоровой формой реализма.

Однажды вечером, возвращаясь домой, он заметил темную «Волгу» без опознавательных знаков, припаркованную на противоположной стороне улицы, чуть поодаль от его подъезда. В машине сидели двое мужчин в штатском, их лица были скрыты в тени. Они не смотрели в его сторону, но Юрген почувствовал, как у него похолодела спина. «Волги» без номеров или со служебными номерами были фирмен-

ным знаком Штази. Он быстро вошел в подъезд, стараясь не оглядываться. Когда он выглянул из окна своей квартиры, машины уже не было. Может быть, ему показалось? Или они просто ждали кого-то другого? Но это совпадение было слишком тревожным.

С этого момента Юрген удвоил, утроил меры предосторожности. Все свои записи, касающиеся портала, он теперь делал мелким, почти неразборчивым почерком, используя систему сокращений и шифров, понятную только ему. Блокнот с этими записями он прятал в самом неожиданном месте – за расшатанной плиткой в ванной комнате. Любые подготовительные действия для своего плана – достать старую камеру, раздобыть некоторую экипировку для путешествия в прошлое – он совершал с максимальной конспирацией, используя все свои знания о методах слежки и контрслежки, почерпнутые из редких детективных романов, которые ему удавалось достать.

Он чувствовал себя героем шпионского фильма, только вот на кону была не просто государственная тайна, а, возможно, судьба всего мира. И ошибка могла стоить ему не только свободы, но и жизни. Или чего-то гораздо худшего. Тайна лаборатории должна была оставаться нераскрытой. Потому что если Штази узнает... Юрген даже боялся представить, что они сделают с порталом. И с ним.

Несмотря на растущую паранойю, Юрген не мог позво-

лить себе бездействовать. Просто шагнуть в портал, не имея ни малейшего представления о том, в какую эпоху он попадет, было бы самоубийством. Записи профессора Раушенбаха указывали на 1938 год, но это мог быть лишь один из моментов «активации» портала. А что если сейчас он ведет в каменный век? Или в эпоху динозавров? Ему нужна была хоть какая-то система «нацеливания», пусть и самая примитивная.

Конечно, о настоящем управлении порталом, как в фантастических романах, где можно было бы выбрать точную дату и место, речи не шло. У него не было ни теории, ни технологий для этого. Но он предположил, чисто гипотетически, что состояние портала – его стабильность, интенсивность мерцания, возможно, даже «пункт назначения» – могут зависеть от каких-то внешних энергетических полей. Той самой аномальной флуктуации, которая, по его мнению, и «пробила» эту дыру в пространстве-времени.

Вспомнились старые эксперименты Теслы с резонансными частотами. Что если портал, как гигантский камертон, вибрирует на определенной частоте, и изменение этой частоты или воздействие на него другим полем могло бы... слегка его «подтолкнуть» в ту или иную сторону временной оси? Это была чистой воды спекуляция, основанная больше на интуиции, чем на строгих научных расчетах. Но у него не было ничего другого.

Юрген начал конструировать простое устройство, исполь-

зую детали от старого радиопередатчика, катушки индуктивности, конденсаторы переменной емкости и несколько мощных магнитов, которые он «позаимствовал» из списанного оборудования. Это была кустарная, почти безумная затея. Он собирал все это по ночам в своей лаборатории, при свете фонарика, вздрагивая от каждого шороха за дверью. Устройство выглядело как нечто среднее между самодельным радио и алхимическим аппаратом. Идея заключалась в том, чтобы генерировать направленное электромагнитное поле с изменяемой частотой и интенсивностью и «облучать» им портал, наблюдая за его реакцией.

Он не ждал чуда. Он понимал, что, скорее всего, это не сработает. Но он должен был попытаться. Он калибровал катушки, подбирал частоты, ориентируясь на те самые пики, которые он зафиксировал ранее. Он пытался «поймать» резонанс, если таковой вообще существовал.

Несколько ночей он провел, направляя свой «излучатель» на мерцающий разрыв. Реакции почти не было. Портал продолжал пульсировать своим холодным, равнодушным светом. Иногда Юргену казалось, что мерцание на мгновение меняет свой ритм или что искаженные образы за завесой становятся чуть другими, но это могло быть просто игрой его воображения, уставшего от недосыпа и напряжения.

И все же он не сдавался. Он менял конфигурацию катушек, экспериментировал с мощностью, пытаясь найти ту единственную комбинацию, которая могла бы дать хоть ка-

кой-то эффект. Он чувствовал себя шаманом, совершающим ритуальный танец вокруг священного огня, взывая к неведомым силам. Наука здесь отступала, уступая место отчаянной надежде и почти мистической вере в то, что он сможет обуздать эту стихию.

И однажды... однажды ему показалось, что что-то изменилось. На определенной частоте, когда он направил узкий пучок излучения прямо в центр портала, мерцание стало более интенсивным, а гул, исходящий от него, на мгновение изменил тональность, став чуть выше, почти как тихий стон. Искривленные образы за завесой... они тоже изменились. Зелень, которую он видел раньше, стала гуще, ярче, а свет – более резким, почти как летнее полуденное солнце. Это длилось всего несколько секунд, а потом все вернулось к прежнему состоянию.

Но Юрген успел это заметить. Это была слабая, почти неуловимая реакция, но она была. Он записал частоту, мощность, конфигурацию. Это было оно. Это был его шанс. Его примитивное устройство, собранное на коленке из хлама, возможно, давало ему хоть какую-то, пусть и иллюзорную, возможность «нацелить» портал. Или, по крайней мере, повлиять на то, в какое время он попадет. Он не знал наверняка. Но это было лучше, чем полная слепота.

Он назвал это устройство «стабилизатором временного потока», хотя понимал, что это слишком громкое название для такой кустарной поделки. Но оно давало ему толику уве-

ренности. И отгоняло мысль о том, что он всего лишь пешка в руках слепой судьбы, которая бросает его в неизвестность. Теперь у него был хоть какой-то инструмент. И он собирался им воспользоваться.

Следующей ночью, вооружившись своим «стабилизатором» и затаив дыхание, Юрген снова приступил к экспериментам. Он выставил ту самую частоту, которая, как ему показалось, вызвала реакцию портала. Направил излучатель на мерцающий разрыв и включил питание.

Несколько секунд ничего не происходило. Портал продолжал свою монотонную пульсацию. Юрген уже начал думать, что предыдущая реакция была просто игрой его воображения. Он слегка повернул ручку настройки частоты, совсем немного, на доли герца...

И тут это случилось.

Портал вздрогнул, как живое существо, которому сделали укол. Мерцание стало почти невыносимо ярким, а гул превратился в низкий, вибрирующий рев, от которого заложило уши. Холод, исходящий от разрыва, усилился настолько, что у Юргена застучали зубы. Искаженные образы за завесой пришли в бешеное движение, замелькали, как кадры в ускоренной перемотке, а потом... потом они вдруг стабилизировались.

На одно короткое, захватывающее дух мгновение, дрожащая завеса портала стала почти прозрачной, как окно, запотевшее от дыхания, но через которое можно было что-то раз-

глядеть.

И Юрген увидел.

Это был город. Несомненно, город. Но не тот Берлин, который он знал. Здания были другими – более низкими, с причудливыми крышами и остроконечными башенками. Улицы были узкими, мощеными булыжником, и по ним... по ним двигались не «Трабанты» и «Варбурги», а конные экипажи и какие-то неуклюжие, дымящие автомобили, похожие на те, что он видел на старых фотографиях начала века. Люди, спешащие по тротуарам, были одеты в странные, старомодные одежды – мужчины в котелках и длинных сюртуках, женщины в шляпках с перьями и платьях до пят.

И воздух. Он был другим. Не таким, как в его Берлине, пропитанном запахом лигниита и выхлопных газов. Там, по ту сторону, воздух казался чище, свежее, но в нем витал какой-то другой, незнакомый ему запах – смесь конского навоза, угля, свежеиспеченного хлеба и еще чего-то, что он не мог определить.

Это длилось всего несколько секунд. Может быть, пять. Может быть, десять. Юрген смотрел, затаив дыхание, пытаясь запомнить каждую деталь, каждый оттенок этого невозможного, нереального вида. Это был Берлин. Он узнавал какие-то смутно знакомые очертания зданий, изгиб улицы. Но это был Берлин прошлого. Глубокого прошлого. Возможно, конец девятнадцатого или самое начало двадцатого века.

Потом изображение снова задрожало, подернулось рябью,

и портал вернулся к своему обычному мерцающему состоянию. Рев стих, превратившись в привычный низкий гул. Яркость уменьшилась. Окно в прошлое захлопнулось.

Юрген отшатнулся, тяжело дыша. Его руки дрожали. Это было... это было невероятно. Он только что своими глазами видел другой Берлин. Берлин, которого уже не существовало. Его «стабилизатор»... он сработал! Каким-то непостижимым образом он смог на короткое время «настроить» портал на определенную эпоху.

Это был не 1938 год, как он ожидал, исходя из записей Раушенбаха. Это было что-то гораздо более раннее. Значит ли это, что портал «дрейфует» во времени? Или что его устройство действительно может влиять на «пункт назначения»?

Он посмотрел на свой кустарный прибор с каким-то суеверным ужасом и восхищением. Он только что заглянул в прошлое. И это прошлое смотрело на него в ответ.

Теперь у него не оставалось никаких сомнений. Он должен был идти. Он должен был попытаться. Но куда? В этот старый, кайзеровский Берлин? Или он сможет «нацелиться» точнее, на ту самую точку бифуркации, где можно было бы изменить все – на начало тридцатых, на момент перед приходом Гитлера к власти?

Вопросов было больше, чем ответов. Но одно он знал точно: этот короткий, случайный взгляд в прошлое изменил все. Теперь это была не просто теория, не просто план. Теперь это была почти реальность. И она манила его с непреодоли-

мой силой.

После того, как окно в прошлое захлопнулось, оставив Юргена одного в тишине лаборатории, на него с новой силой нахлынули сомнения. Не научного, а морального толка. Одно дело – теоретизировать о путешествиях во времени и «эффекте бабочки», сидя в уютном кресле. И совсем другое – стоять перед реальной возможностью вмешаться в ход истории, изменить судьбы миллионов, возможно, всего человечества. Кто он такой, Юрген Рихтер, чтобы брать на себя такую ответственность? Какое право он имеет играть в Бога?

Эти мысли, как голодные крысы, грызли его изнутри. Он снова и снова прокручивал в голове аргументы «за» и «против». С одной стороны – ужасы фашизма, миллионы невинных жертв, разрушенная Европа, его собственная страна, все еще несущая на себе шрамы войны. Предотвратить это – разве это не высший моральный долг? Разве не об этом мечтали лучшие умы человечества – искоренить зло, построить справедливый мир?

С другой стороны – неизвестность. Непредвиденные последствия. Риск сделать только хуже. А что если Гитлер был лишь симптомом, а не причиной? Что если, устранив его, он лишь отсрочит неизбежное или породит другую, еще более уродливую форму зла? История, как он знал, полна иронии и парадоксов. Добрые намерения часто приводили к самым чудовищным результатам.

Он пытался найти опору в своей марксистской философии. Диалектический материализм утверждал, что история движется по объективным законам, обусловленным борьбой классов и развитием производительных сил. Личность в истории, конечно, играет роль, но не решающую. Может ли один человек, даже обладающий таким невероятным инструментом, как портал во времени, действительно изменить фундаментальный ход истории? Или его вмешательство будет лишь незначительной рябью на поверхности могучего потока, который все равно придет к своему предопределенному устью?

Но Маркс также говорил и о революционной практике, о том, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Разве его план – не есть та самая революционная практика, доведенная до своего логического предела? Устранить Гитлера – это значит устранить одно из главных препятствий на пути к мировой революции, к победе социализма во всемирном масштабе. Это значит спасти СССР от чудовищных потерь, которые, возможно, и привели к тем деформациям и извращениям социалистической идеи, которые он видел вокруг себя.

Так он пытался себя убедить. Он выстраивал логические цепочки, находил цитаты из классиков, которые, казалось, оправдывали его замысел. Он говорил себе, что это не просто его личное желание, а историческая необходимость. Что

он – лишь орудие в руках истории, которое должно исправить ее трагическую ошибку.

Но где-то в глубине души оставался червячок сомнения. Голос совести, или, может быть, простого человеческого страха, который шептал ему: «Не лезь. Не твое это дело. Ты слишком мал, чтобы играть с такими вещами».

Он вспоминал слова Эриха: «История не терпит снисходительного наклонения». Но разве не он сам, Юрген Рихтер, теперь держал в руках это самое «снисходительное наклонение», эту возможность переписать прошлое?

Бессонные ночи, наполненные этими терзаниями, изматывали его больше, чем лихорадочная работа над «стабилизатором». Он почти не ел, осунулся, под глазами залегли темные круги. Иногда ему казалось, что он сходит с ума. Что портал – это просто галлюцинация, порожденная его переутомленным мозгом. Но потом он возвращался в лабораторию, видел это мерцающее, холодное чудо, и понимал, что все это реально. И что выбор – за ним.

Он должен был сделать этот выбор. И он должен был сделать его скоро. Потому что он чувствовал, что долго так продолжаться не может. Либо он решится, либо его нервы не выдержат, либо Штази все-таки докопается до его тайны.

И тогда, одной особенно темной и промозглой ночью, когда ветер завывал в трубах, как потерянная душа, он принял решение. Да. Он сделает это. Он пойдет. Потому что неведение и бездействие, когда у тебя в руках есть шанс что-то

изменить, – это тоже преступление. Возможно, самое страшное.

Он найдет Гитлера. И он остановит его. Ради всех тех, кто погиб. И ради всех тех, кто мог бы жить.

Марксистское обоснование было найдено. Совесть, если и не успокоилась окончательно, то, по крайней мере, на время замолчала, оглушенная решимостью.

Оставалось только подготовиться. И выбрать момент.

Решение, выстраданное в бессонных ночах и лихорадочных размышлениях, теперь кристаллизовалось в четкую, почти математически выверенную цель: Адольф Гитлер. Не просто убить человека – это было бы слишком примитивно, слишком похоже на банальный акт мести или террора. Цель была масштабнее: предотвратить его приход к власти, вырвать из истории ту страницу, на которой было написано «Третий Рейх». Уничтожить не только личность, но и феномен, который он породил.

Юрген больше не рассматривал случайные «прыжки» в кайзеровский Берлин или другие эпохи. Это было бы бесцельной тратой времени и энергии, а возможно, и его единственного шанса. Ему нужно было попасть в конкретный временной промежуток: Германия конца двадцатых – начала тридцатых годов. Веймарская республика, агонизирующая под ударами экономического кризиса, раздираемая политическими противоречиями, беременная фашизмом. Именно

там, в этом бурлящем котле, нужно было найти и нейтрализовать «бациллу» Гитлера, прежде чем она заразит всю нацию.

Но как это сделать? Простое убийство... оно могло породить миф о мученике, сплотить его сторонников, возможно, выдвинуть на его место кого-то еще, не менее опасного. Юрген думал об этом, перебирая варианты. Может быть, дискредитация? Сбор компромата, который бы уничтожил его репутацию в глазах немецкого народа? Но где взять такой компромат, находясь в прошлом, будучи чужаком, не имеющим ни связей, ни ресурсов?

Или... или все-таки устранение? Но когда? В какой момент? До Пивного путча? После него, когда он сидел в Ландсберге и писал «Майн Кампф»? Или уже на самом пороге власти, в 1932-м, когда до канцлерства оставались считанные месяцы? Каждый вариант имел свои плюсы и минусы, свои риски и потенциальные последствия.

Юрген начал лихорадочно изучать биографию Гитлера, не ту приглашенную, официальную версию, которую преподавали в школах ГДР, а более подробные, западные исследования, которые ему с трудом удавалось доставать через знакомых или по каналам научного обмена. Он искал уязвимости, слабые места, моменты, когда Гитлер был один, без охраны, когда его можно было бы застать врасплох.

Он составлял списки, рисовал схемы, делал пометки на картах старого Мюнхена и Берлина. Его квартира превратилась

лась в штаб по подготовке невозможной операции. Книжки по истории соседствовали с учебниками по физике, а портреты Маркса и Ленина со стены, казалось, с молчаливым укором или одобрением взирали на эту странную деятельность.

Чем больше он погружался в детали жизни Гитлера, тем сильнее становилось его отвращение. Этот человек, с его магией величия, с его патологической ненавистью, с его примитивной, но такой заразной идеологией... он был не просто политиком, он был каким-то воплощением темной стороны человеческой натуры. И тем сильнее крепла решимость Юргена остановить его.

Цель была не просто сформулирована. Она стала его одержимостью. Она заполнила все его мысли, все его сны. Он видел Гитлера на митингах, окруженного ревущей толпой. Он видел его в узком кругу соратников, планирующего свои следующие шаги. Он видел его в моменты слабости и в моменты триумфа. И каждый раз он представлял себе, как он, Юрген Рихтер, вмешивается, ломает этот сценарий, переписывает историю.

Он понимал, что это будет невероятно опасно. Он понимал, что шансы на успех ничтожны. Он понимал, что может погибнуть или исчезнуть без следа. Но теперь это уже не имело значения. Цель была слишком велика, слишком важна.

Предотвратить приход Гитлера к власти. Спасти мир от нацизма. Это была его миссия. И он был готов отдать за

нее все. Даже если это будет его собственная жизнь, его собственная душа. Потому что альтернатива – оставить все как есть, зная, что у него был шанс, – была для него невыносима.

В те редкие часы, когда Юрген не был поглощен изучением прошлого или моральными терзаниями, он продолжал свои эксперименты с порталом и «стабилизатором». И он начал замечать нечто новое. Портал, казалось, обретал... некоторую предсказуемость. Или, по крайней мере, его поведение становилось менее хаотичным.

После того случайного «просмотра» кайзеровского Берлина, Юрген научился с большей точностью вызывать подобные «окна» в прошлое. Он понял, что дело не только в частоте излучения его кустарного устройства, но и в какой-то едва уловимой синхронизации с собственными, внутренними флуктуациями портала, которые он теперь почти инстинктивно чувствовал. Это было похоже на настройку старого радиоприемника: нужно было не только найти нужную волну, но и поймать момент, когда сигнал наиболее чистый.

Иногда ему удавалось удерживать «окно» открытым на несколько десятков секунд, даже на целую минуту. Это были драгоценные мгновения, когда он мог, затаив дыхание, вглядываться в картины ушедших эпох. Он видел улицы Берлина начала века, запруженные экипажами и первыми неуклюжими автомобилями. Он видел толпы людей в странных одеждах, спешащих по своим делам, их лица – живые, настоящие,

не подозревающие о том, что из будущего на них смотрит невидимый наблюдатель.

Он видел короткие, как вспышки, фрагменты жизни, которая уже давно стала историей. Дети, играющие с обручем на мостовой. Газетчик, выкрикивающий заголовки. Солдаты в остроконечных касках, марширующие по Унтер-ден-Линден. Однажды он даже мельком увидел нечто, похожее на парад – оркестр, знамена, и какую-то важную персону в открытом ландо.

Эти «просмотры» были не только захватывающими, но и полезными. Они позволяли ему хоть как-то калибровать свое «нацеливание». Он заметил, что определенные настройки «стабилизатора» с большей вероятностью приводят к появлению картин из одной и той же эпохи, плюс-минус несколько лет. Это давало ему слабую надежду, что он сможет если не точно выбрать год, то, по крайней мере, попасть в нужный временной промежуток – в те самые критические годы Веймарской республики.

И еще одно важное наблюдение: портал, казалось, становился... более «плотным», более материальным в те моменты, когда «окно» было открыто. Холод, исходящий от него, усиливался, а гул становился более глубоким и резонирующим. Юргену даже показалось, что он может на мгновение различить не только визуальные образы, но и звуки из прошлого – приглушенный уличный шум, обрывки музыки, далекие голоса.

Эта относительная стабильность на короткие периоды была для него знаком. Знаком того, что он на правильном пути. И знаком того, что время для решительных действий приближается. Портал как будто сам приглашал его, становился более гостеприимным, менее враждебным. Или это ему только казалось, убаюканному ложной надеждой?

Он не знал. Но он цеплялся за эту мысль. Он должен был верить, что сможет контролировать этот процесс хотя бы в минимальной степени. Потому что если он не сможет, то его миссия обречена на провал еще до ее начала.

Каждую ночь он возвращался в лабораторию, как на свидание с опасной, но неотразимой любовницей. Он настраивал свой «стабилизатор», вглядывался в мерцающую бездну, пытался поймать тот самый момент, когда прошлое приоткроет ему свою завесу. И каждый раз, когда ему это удавалось, когда он видел эти живые, дышащие картины ушедшего времени, его решимость крепла.

Он был готов. Почти готов. Портал ждал. И прошлое... прошлое, казалось, тоже ждало его. Ждало, чтобы он пришел и изменил его. Или был поглощен им навсегда.

Глава 3: Первое Путешествие: XIX век и Осознание.

Время для долгих размышлений и тщательной подготовки к «главной миссии» еще не пришло. Прежде чем отправляться в двадцатые-тридцатые годы на охоту за Гитлером, Юрген должен был совершить пробный прыжок. Короткую вылазку, рекогносцировку, чтобы проверить свои силы, испытать портал на себе и понять, что его ждет по ту сторону, в самом прямом, физическом смысле. Он не мог рисковать провалом основной операции из-за какой-то глупой мелочи, которую не учел.

Он решил не пытаться «нацеливаться» на конкретную дату с помощью своего кустарного «стабилизатора». Для первого раза это было слишком рискованно. Он просто войдет в портал в его «естественном» состоянии, когда он, как ему казалось, вел в более ранний период – тот самый кайзеровский Берлин, который он мельком видел. Это будет достаточно далеко от его основной цели, чтобы случайное вмешательство не имело катастрофических последствий, но и достаточно цивилизованно, чтобы не оказаться среди дикарей или динозавров.

Снаряжение он готовил самое примитивное, исходя из того, что ему придется пробыть в прошлом не более несколь-

ких часов, а может, и минут. Главное – не привлекать внимания и иметь возможность вернуться. Он выбрал темную, неброскую одежду – старые брюки, свитер, куртку, которые не слишком выделялись бы даже на фоне моды столетней давности, если верить старым фотографиям. Никаких современных гаджетов, никаких пластиковых деталей, которые могли бы вызвать подозрение. В карманы он положил небольшой складной нож, коробку спичек, несколько медных монет кайзеровской эпохи, которые он с трудом раздобыл у одного знакомого нумизмата (на всякий случай, если придется что-то купить или заплатить за проезд), и, конечно, свой блокнот с карандашом, чтобы делать пометки. Адрес своей лаборатории – номер дома, название улицы – он выучил наизусть, как молитву. Это был его единственный путь назад.

Самым сложным было решить вопрос с «якорем» для возвращения. Он не мог рассчитывать на то, что портал останется открытым и стабильным все время его отсутствия. Поэтому он разработал простой, но, как ему казалось, надежный план. Он прикрепит к лабораторному столу очень длинную и прочную капроновую веревку, которую он «позаимствовал» со склада альпинистского снаряжения (официально – для нужд каких-то геологических исследований). Эту веревку он пропустит через портал вместе с собой. Даже если видимый разрыв исчезнет, веревка должна была остаться, как нить Ариадны, ведущая его обратно в лабиринт его соб-

ственного времени. Он проверил ее на прочность несколько раз – она выдерживала его вес с большим запасом.

Последней деталью был небольшой, но мощный фонарик. В прошлом электричество могло быть не везде, а ему нужно было четко видеть, куда он идет, особенно если придется возвращаться в темноте. Фонарик был советского производства, надежный, как автомат Калашникова.

В ночь перед пробным прыжком Юрген почти не спал. Он снова и снова проверял свое снаряжение, прокручивал в голове план действий, пытался предусмотреть все возможные неожиданности. Страх смешивался с возбуждением, как два химических реактива, готовых взорваться. Он смотрел на свое отражение в темном окне – бледное, осунувшееся лицо, горящие глаза. Это был уже не тот Юрген Рихтер, которого он знал еще несколько недель назад. Портал изменил его. Он чувствовал себя первооткрывателем, стоящим на пороге неизведанного континента. Или смертником, идущим на эшафот.

Когда часы на кухне пробили три, он понял, что больше ждать не может. Пора. Он в последний раз оглядел свою маленькую квартиру, словно прощаясь с ней навсегда. Потом тихо вышел на лестничную площадку и направился в Академию. К своей судьбе.

В лаборатории было холодно и тихо, как в склепе. Портал мерцал в углу, поджидая его, как терпеливый хищник. Юрген не стал возиться со «стабилизатором». Сегодня он дове-

рялся случаю, или тому, что он считал «естественным» состоянием портала. Он надеялся, что это будет тот самый кайзеровский Берлин конца XIX – начала XX века.

Он надежно привязал конец капроновой веревки к тяжелой металлической ножке лабораторного стола. Несколько раз дернул, проверяя узел. Другой конец, с небольшим запасом, он обмотал вокруг пояса. Это была его нить Ариадны, его единственная гарантия возвращения. Он еще раз проверил карманы: нож, спички, монеты, блокнот, фонарик. Все на месте.

Он подошел к portalу. Холод, исходящий от него, казался почти осязаемым, он пробирал до костей сквозь одежду. Мерцание гипнотизировало, затягивало, как водоворот. Гул низко вибрировал в груди. Юрген глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Он вспомнил лица своих родителей, давно умерших. Вспомнил Эриха. Вспомнил запах свежескошенной травы в деревне у бабушки, когда он был маленьким. Зачем? Прощание? Или просто мозг, в предчувствии шока, выбрасывал случайные образы?

– Ну, с богом, – прошептал он сам себе, хотя ни в какого бога он не верил. Или, может быть, теперь, на пороге невозможного, какая-то часть его хотела верить?

Он сделал шаг.

И мир взорвался.

Это не было плавным переходом, как он себе представлял. Это не было похоже на проход через дверь или погружение

в воду. Это было... разрывом. Ощущение, будто его тело одновременно растягивают и сжимают, будто каждая его клетка вибрирует на безумной частоте. Звуки – оглушительный рев, треск, вой – обрушились на него со всех сторон. Цвета – калейдоскоп слепящих вспышек, темных провалов, кислотных пятен – замелькали перед глазами, вызывая тошноту. Запахи – смесь озона, серы, чего-то металлического и еще чего-то неопишимо древнего, пыльного – ударили в нос.

Он закричал, но его крик потонул в этом хаосе. Он потерял чувство ориентации, чувство собственного тела. Он летел, кувыркался, падал – или ему только казалось? Он не понимал, где верх, где низ, где он сам. Это длилось вечность. Или одно мгновение.

А потом все так же внезапно прекратилось.

Его вышвырнуло, как пробку из бутылки, на что-то твердое. Он ударился головой, боль обожгла затылок, в глазах потемнело. Он лежал, задыхаясь, пытаясь прийти в себя, не понимая, где он и что с ним произошло. Во рту был привкус крови и пыли.

Портал сработал совершенно непредсказуемо. Юрген ожидал постепенного погружения, может быть, легкой дезориентации. Но он не был готов к такому яростному, почти физическому насилию со стороны пространства-времени. Он не был готов к тому, что переход будет похож на прохождение через мясорубку.

Он с трудом открыл глаза. Все плыло. Голова гудела. Но

он был жив. И он был... где-то. Не в своей лаборатории. Это он понял сразу.

Вокруг был полумрак. Пахло сыростью, гнилью и... чем-то еще, незнакомым, но неприятным. Он лежал на чем-то твердом и холодном, похожем на каменный пол. С трудом сел, опираясь на руки. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота. Он проверил веревку на поясе. Она была на месте, натянута, уходила куда-то вверх, в темноту. Слава богу. Его путь назад был цел.

Но где он? Что это за место? И какой это год? Это явно был не тот Берлин начала века, который он видел в «окне» портала. Это было что-то другое. Что-то... гораздо более старое. И гораздо более зловещее.

Когда первоначальный шок от перехода немного утих, и голова перестала так сильно кружиться, Юрген смог осмотреться. Он находился в каком-то темном, сыром подвале или погребе. Стены были сложены из грубого, почерневшего от времени камня, кое-где покрытого зеленоватой плесенью. Низкий сводчатый потолок терялся в темноте. Единственным источником света был тусклый прямоугольник, видневшийся в дальнем конце помещения – похоже, зарешеченное окно под самым потолком, выходящее на уровень земли.

Он с трудом поднялся на ноги, опираясь на стену. Капроновая веревка, его спасительная нить, уходила вверх, в непроглядную тьму, и исчезала там, где, как он предполагал,

раньше был портал. Сейчас там не было ни мерцания, ни гула. Только тишина и мрак. Портал закрылся. Но веревка осталась. Это было главное.

Юрген достал фонарик. Яркий луч выхватил из темноты детали помещения: бочки, какие-то ящики, гниющие мешки. Похоже на заброшенный винный погреб или склад. И ужасный запах. Смесь гниющей органики, сырой земли и еще чего-то кислого, от чего першило в горле.

Он медленно двинулся к окну, стараясь не шуметь. Выглянул наружу. То, что он увидел, заставило его замереть.

Это был Берлин. Он узнал его по каким-то неуловимым чертам, по атмосфере, по архитектурному стилю некоторых зданий, видневшихся вдалеке. Но это был Берлин, которого он никогда не видел.

Узкая, мощеная крупным булыжником улица. Высокие, темные дома с многочисленными лепными украшениями, эркерами и балкончиками. Вместо автомобилей – бесконечный поток конных экипажей всех мастей: тяжелые омнибусы, изящные коляски, груженные телеги, из-под колес которых летела грязь. Дым из многочисленных труб смешивался с утренним туманом, создавая плотную, серовато-коричневую завесу. И люди. Люди, одетые так, как он видел только в исторических фильмах или на старинных фотографиях. Мужчины в цилиндрах, котелках, длинных сюртуках, с тростями. Женщины в громоздких платьях с турн-юрами, в шляпках с вуалями, торопливо семенящие по уз-

ким тротуарам. Газетчики, выкрикивающие что-то гортанным, незнакомым ему немецким языком – это был явно не тот Hochdeutsch, к которому он привык. Уличные торговцы с лотками, чистильщики сапог, нищие, просящие милостыню.

Шум. Оглушительный, непрерывный шум. Стук копыт по булыжнику, скрип колес, крики возниц, лай собак, гомон толпы – все это сливалось в единый, первобытный рев города, который жил своей, незнакомой Юргену жизнью.

Это был не конец девятнадцатого – начало двадцатого века, как он предполагал. Это было раньше. Судя по одежде, по экипажам, по общему облику города, это могли быть семидесятые или восьмидесятые годы девятнадцатого века. Эпоха Бисмарка. Кайзеровская Германия еще только набирала свою мощь.

Шок. Это было единственное слово, которое могло описать его состояние. Он читал об этом времени, он видел картинки. Но оказаться здесь, дышать этим воздухом, слышать эти звуки, видеть этих людей... это было совсем другое. Это было ошеломляюще. Как будто его бросили на другую планету.

Он вдруг остро почувствовал свою чужеродность. Его одежда, хоть и неброская, все равно отличалась. Его манера держаться. Его взгляд. Он был пришельцем из будущего, заброшенным в это незнакомое, пугающее прошлое.

И он был один. Совершенно один, если не считать тонкой капроновой нити, связывающей его с его временем.

Его первая, короткая вылазка в прошлое уже обернулась полным провалом его расчетов. Портал сработал не так. Вре-
мя было не то. И он был совершенно не готов к тому, что
увидел и почувствовал. Осознание этого обрушилось на него
с холодной, беспощадной ясностью. Он был всего лишь са-
монадеянным дилетантом, играющим с силами, которые он
не понимал и не мог контролировать.

Нужно было выбираться из этого вонючего подвала, хотя
бы для того, чтобы сориентироваться и понять, где он точно
находится. Юрген нашел ветхую деревянную дверь, которая,
к его удивлению, не была заперта. Она вела в узкий, темный
коридор, а оттуда – на небольшой задний двор, заваленный
мусором и пустыми ящиками. Со двора был выход на ту са-
мую оживленную улицу, которую он видел из окна.

Он поправил одежду, стараясь выглядеть как можно ме-
нее подозрительно, и шагнул из тени двора на залитый мут-
ным светом тротуар. Шум и суета большого города обруши-
лись на него с новой силой. Он почувствовал себя малень-
ким, потерянным ребенком.

Он пошел наугад, стараясь держаться ближе к стенам до-
мов, чтобы не мешать спешащей толпе. Люди вокруг гово-
рили на немецком, но это был не тот четкий, литературный
язык, который он учил в школе и слышал по радио. Это
был берлинский диалект, грубоватый, с какими-то странны-
ми оборотами и проглатываемыми окончаниями, который

он понимал с трудом.

Ему нужно было узнать название улицы. Он подошел к газетному киоску, где пожилой усатый мужчина в фартуке раскладывал свежие газеты с готическим шрифтом на заголовках.

– Простите, – начал Юрген, стараясь говорить как можно четче. – Не подскажете ли вы, как называется эта улица?

Продавец оторвался от своего занятия и смерил его подозрительным взглядом с головы до ног. Его одежда, его стрижка, его манера говорить – все это, видимо, показалось ему странным.

– Чего тебе, парниша? – пробурчал он на своем диалекте, что-то вроде . Голос был хриплым, недружелюбным.

Юрген повторил свой вопрос, чуть громче

Продавец нахмурился еще больше.

– Ты можешь говорить нормально, или как? Откуда ты такой взялся, что я тебя не понимаю?

Юрген почувствовал, как краска бросилась ему в лицо. Языковой барьер. Он не учел, что даже в одном и том же городе язык мог так сильно отличаться в разные эпохи. Его современный Hochdeutsch звучал здесь, видимо, так же странно, как если бы он заговорил на чистом английском.

Рядом остановился какой-то прохожий, привлеченный их разговором, – крепкий мужчина в рабочей одежде, с любопытством разглядывающий Юргена. Потом еще один. Вокруг них начала собираться небольшая толпа. Люди смотре-

ли на него с нескрываемым любопытством и подозрением. Он почувствовал себя как редкий зверь в клетке.

— Я... я просто спросил название улицы, — пролепетал Юрген, чувствуя, как нарастает паника. — Я... я немного нездешний.

— Видно, — хмыкнул рабочий. — Иностранец, да? Француз или англичанин?

В его голосе слышалась неприязнь. Юрген вспомнил, что отношения Германии с Францией и Англией в ту эпоху были далеко не дружественными.

— Нет, нет, я немец, — быстро сказал Юрген. — Просто... из другой части Германии.

Это была слабая отговорка, но ничего лучше он придумать не мог.

Толпа не расходилась. Люди перешептывались, показывали на него пальцами. Его одежда, его растерянный вид, его странный акцент — все это делало его мишенью для подозрений. Он почувствовал себя невероятно уязвимым. Здесь, в этом чужом, враждебном прошлом, он был никем, без документов, без денег (те несколько кайзеровских монет не в счет), без понимания местных обычаев.

Один неверный шаг, одно неосторожное слово — и он мог оказаться в полицейском участке. Или еще хуже.

Нужно было уходить. Быстро.

Он пробормотал какие-то извинения и, стараясь не смотреть никому в глаза, протиснулся сквозь толпу и быстрым

шагом пошел прочь, куда глаза глядят, подальше от этого места. Сердце колотилось, как пойманная птица. Это было его первое столкновение с обывателями прошлого. И оно оказалось гораздо более неприятным и опасным, чем он мог себе представить.

Паника накрыла его внезапно, как грязная волна. Он шел почти бегом, не разбирая дороги, прочь от того места, где его едва не окружила подозрительная толпа. Сердце грохотало в ушах, дыхание сбилось, ладони вспотели. Он чувствовал на себе взгляды прохожих – любопытные, враждебные, равнодушные – и каждый взгляд казался ему обвинением. Он – чужой. Чужой во всех смыслах. Одежда, язык, манеры, даже, наверное, запах – все в нем кричало о том, что он не отсюда.

Улицы переплетались в незнакомый, пугающий лабиринт. Здания, такие величественные и интересные на первый взгляд, теперь казались ему зловещими, нависающими над ним, готовыми обрушиться. Шум города, который сначала показался ему просто громким, теперь превратился в оглушительную какофонию, давящую на барабанные перепонки. Запахи – резкие, непривычные, вызывающие тошноту.

Он свернул в какой-то узкий, темный переулок, надеясь скрыться от любопытных глаз, перевести дух. Прислонился к холодной, влажной стене, пытаясь успокоиться. Но паника не отпускала. Ему вдруг отчаянно захотелось обратно, в свою тихую лабораторию, в свой привычный, предсказуемый

мир 1985 года. К своим книгам, к своим уравнениям, к запаху остывшего чая. Даже очереди за продуктами и нудные партийные собрания показались ему сейчас верхом блаженства по сравнению с этим первобытным, враждебным хаосом.

Дезориентация была полной. Он не знал, где находится. Он не знал, как вернуться к тому подвалу, где остался его «якорь» – капроновая веревка. Он даже не был уверен, что сможет найти дорогу назад, если слишком далеко уйдет. А что если веревка оборвется? Что если портал не откроется снова? Что если он застрянет здесь навсегда?

Мысли метались, как испуганные птицы в клетке. Он вспомнил предупреждение Эриха: «История не терпит сослагательного наклонения». А он, Юрген, не просто заглянул в это «сослагательное наклонение», он вторгся в него, как слон в посудную лавку. И теперь он расплачивался.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он был ученым, физиком-теоретиком. Он привык иметь дело с абстрактными концепциями, с миром формул и чисел. Он не был готов к такой грубой, физической реальности. Он не был готов к страху, к одиночеству, к ощущению полной беспомощности.

В кармане нащупал складной нож. Слабое утешение. Против кого он мог его применить? Против целого города? Против целой эпохи?

Надо было взять себя в руки. Паника – плохой советчик.

Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Он должен был думать. Рационально. Как ученый.

Первое – вернуться к точке входа. Найти тот подвал. Проверить веревку. Это его единственная связь с его временем. Если он ее потеряет, он пропал.

Второе – не привлекать внимания. Держаться в тени. Молчать. Наблюдать. Он должен был слиться с этим городом, стать невидимкой, пока не найдет способ вернуться.

И третье – никогда, никогда больше не совершать таких необдуманных, неподготовленных прыжков. Этот первый опыт, этот шок, эта паника – это был суровый, но, возможно, необходимый урок. Прошрое не было дружелюбным парком аттракционов. Это была опасная, неизведанная территория, где каждый неверный шаг мог стать последним.

Он снова выглянул из переулка. Улица все так же шумела и жила своей жизнью, не обращая на него никакого внимания. И это было хорошо. Равнодушие было лучше, чем враждебность.

Он поправил куртку, сжал кулаки и шагнул обратно в этот чужой, пугающий, но такой реальный мир. Чужой. Да, он был чужим. Но он был здесь. И он должен был выжить. И вернуться.

Подавив приступ паники, Юрген попытался восстановить в памяти свой короткий маршрут от подвала до того места,

где его остановил газетчик. Улицы были незнакомыми, но он надеялся на свою зрительную память, на какие-то детали, которые могли бы ему помочь. Он помнил вывеску пивной с изображением толстого монаха, помнил витрину магазина с манекенами в старомодных платьях, помнил какой-то небольшой сквер с чугунной оградой.

Он двинулся в том направлении, откуда, как ему казалось, он пришел. Город вокруг него жил своей жизнью, но теперь Юрген смотрел на него другими глазами – не как любопытный турист, а как затравленный зверь, ищущий дорогу к своему логову. Он старался держаться в тени зданий, избегал больших скоплений людей, не смотрел никому в глаза. Его современная, хоть и неброская, одежда все равно выделяла его из толпы, и он чувствовал на себе любопытные, а иногда и недружелюбные взгляды.

Он шел, вглядываясь в фасады домов, в вывески магазинов, в переплетения улиц. Но все казалось ему чужим, незнакомым. Те детали, которые он запомнил, либо исчезли, либо растворились в этом море одинаково серых и унылых зданий. Он был уверен, что свернул здесь, за этим углом, но за углом оказывалась совершенно другая улица, не та, что он ожидал увидеть.

Берлин конца девятнадцатого века был огромным, запутанным городом, который еще не приобрел ту строгую, почти геометрическую планировку, которую Юрген знал по картам своего времени. Многие улицы, которые в будущем

станут широкими проспектами, здесь были узкими, кривыми переулками. Целые кварталы, которые в двадцатом веке будут снесены или перестроены, здесь стояли во всей своей мрачной, обветшалой красе. Он пытался ориентироваться по солнцу, но небо было затянуто плотной серой дымкой, и определить его положение было невозможно.

Время шло. Юрген бродил по этому каменному лабиринту уже, наверное, больше часа, и с каждой минутой его отчаяние росло. Он заблудился. Безнадёжно заблудился. Тот подвал, та спасительная веревка – все это казалось теперь бесконечно далеким, почти нереальным, как сон, который он видел прошлой ночью.

Он несколько раз пытался спросить дорогу у прохожих, выбирая тех, кто выглядел менее агрессивно – пожилых женщин, студентов в форменных фуражках. Но его странный акцент и растерянный вид вызывали либо подозрение, либо насмешки. Некоторые просто отмахивались от него, как от назойливой мухи. Другие начинали задавать встречные вопросы, от которых Юргену приходилось поспешно ретироваться.

Он проходил мимо величественных зданий, которые смутно напоминали ему что-то знакомое – Рейхстаг? Бранденбургские ворота? Но они выглядели иначе, были окружены другими постройками, и он не мог быть уверен. Знакомые ориентиры из его времени здесь либо еще не существовали, либо были так изменены, что он не мог их узнать. Это

было все равно что пытаться найти иголку в стоге сена, имея на руках только приблизительное описание стога, который существовал сто лет назад.

Усталость валила с ног. Голод давал о себе знать тупой болью в желудке. Но хуже всего было нарастающее чувство безысходности. Он был потерян. Заброшен. Одинок в этом огромном, чужом, равнодушном городе. И спасительная нить, связывающая его с его временем, могла оборваться в любой момент.

Он сел на ступеньки какого-то подъезда, спрятавшись в тени арки, и закрыл лицо руками. Что делать? Куда идти? Была ли хоть какая-то надежда?

И тут он вспомнил. Фонарик. Он был в кармане. Не просто фонарик, а тот самый, советский, надежный, который он взял с собой. А еще он вспомнил кое-что о его устройстве. Внутри, на корпусе батарейного отсека, была небольшая, почти незаметная гравировка — знак качества и название завода-изготовителя. «Сделано в СССР». В этом мире, в этом времени, эти слова ничего не значили. Но для него... для него они могли стать ключом. Если он попадет в полицию, если его примут за шпиона или сумасшедшего, этот фонарик, этот маленький кусочек его собственного мира, мог бы стать его последним, отчаянным аргументом. Или последней уликой против него.

Но сейчас он думал не об этом. Сейчас он думал о том, что в этом городе, где-то совсем рядом, должны быть места, где

собираются русские. Эмигранты, студенты, торговцы. Если он найдет их, может быть, они помогут? Или, по крайней мере, он сможет объясниться на языке, который они поймут лучше, чем этот грубый берлинский диалект.

Это была слабая, почти безумная надежда. Но это была хоть какая-то надежда. И Юрген вцепился в нее, как утопающий в соломинку.

С новой, пусть и призрачной, надеждой Юрген снова поднялся и продолжил свой путь. Теперь он искал не только знакомые здания, но и любые признаки русского присутствия – вывески на кириллице (маловероятно, но вдруг?), людей, говорящих по-русски. Он шел более осмысленно, выбирая улицы пошире, где, как ему казалось, могла бы располагаться какая-нибудь русская церковь или представительство.

Он миновал большую площадь, на которой возвышалась конная статуя какого-то бородатого монарха в пышном мундире. Вокруг статуи суетились люди, торговцы раскладывали свои товары прямо на земле, мальчишки-газетчики выкрикивали сенсационные новости. И тут он их увидел.

Они шли строем, чеканя шаг по булыжной мостовой. Человек двадцать, не меньше. Высокие, плечистые, в темно-синих мундирах с блестящими пуговицами, в остроконечных кожаных касках, увенчанных орлами. Винтовки с примкнутыми штыками мерно покачивались на их плечах. Впереди – офицер с саблей наголо, с высокомерным, застывшим ли-

цом.

Кайзеровские солдаты. Прусская гвардия.

Юрген замер, как будто его ударило током. Он видел их на фотографиях, в кинохронике. Но видеть их вот так, вживую, в нескольких метрах от себя, – это было совсем другое. Они выглядели... устрашающе. Как хорошо отлаженный, бездушный механизм, предназначенный для подавления и разрушения. Их лица были непроницаемы, взгляды – холодными и пустыми. Они несли на себе печать той самой прусской военщины, того самого милитаризма, который через несколько десятилетий ввергнет мир в две мировые войны.

Отряд прошел мимо, не обратив на Юргена никакого внимания. Но их появление, их молчаливое, грозное присутствие, как будто всколыхнуло в нем что-то глубоко спрятанное. Осознание опасности. Не той абстрактной опасности заблудиться или быть непонятым. А реальной, физической опасности, исходящей от этого времени, от этого общества, от этой системы.

Он вдруг понял, что это не просто старый Берлин, не просто экзотическое прошлое. Это мир, где правит сила, где человеческая жизнь стоит недорого, где за любое подозрение, за любое неосторожное слово можно оказаться в казарме, в тюрьме, или еще хуже. Он – чужак, без документов, без связей. Если он попадется этим людям, им не нужно будет долго разбираться, кто он и откуда. Он будет просто «подозри-

тельным элементом», шпионом, анархистом, кем угодно. И разбираться с ним будут соответственно.

До этого момента он больше боялся неизвестности портала, своего собственного провала. Теперь он начал бояться самого прошлого. Этого прошлого, которое было не таким уж далеким, но таким чуждым и враждебным.

Он вспомнил свои наивные планы – устранить Гитлера, предотвратить войну. Он, один, против целой системы, против целой эпохи, которая уже тогда несла в себе семена будущего зла. Ему стало смешно и страшно одновременно. Он был не героем, не спасителем. Он был просто глупцом, возмнившим себя демиургом.

Парадный строй солдат скрылся за углом, но ощущение ледящего холода, которое они оставили после себя, еще долго не отпускало Юргена. Он понял, что его пробная вылазка превращается в настоящую борьбу за выживание. И шансов у него было не так уж много.

Он должен был как можно скорее найти дорогу назад. К своему времени. К своей лаборатории. И забыть обо всем этом, как о страшном сне.

Но где-то в глубине души он уже знал, что забыть не получится. Этот город, эти люди, эти солдаты – они уже стали частью него. И они будут преследовать его, даже если он вернется.

И еще он понял одну вещь. Его миссия – если он все-таки на нее решится – будет гораздо опаснее и сложнее, чем он

мог себе представить. Потому что ему придется сражаться не только с одним человеком. Ему придется сражаться с целым миром. С миром, который был готов породить Гитлера. И который, возможно, породит его снова, даже если Юргену удастся что-то изменить.

Осознание этого было тяжелым, как могильная плита. Но оно не сломило его. Наоборот. Оно придало ему какую-то злую, отчаянную решимость. Он должен был выбраться отсюда. И он должен был вернуться сюда. Подготовленным. Вооруженным. И беспощадным.

Отрезвляющая встреча с кайзеровскими солдатами подстегнула Юргена, как удар хлыста. Все мысли о поиске русских кварталов или попытках как-то освоиться в этом времени вылетели у него из головы. Сейчас была только одна цель – вернуться. Немедленно. Пока не стало слишком поздно.

Он попытался восстановить в памяти свой путь от того проклятого подвала. Площадь с конной статуей. Да, он помнил ее. Оттуда он пошел по улице, где его остановил газетчик. Значит, нужно идти в обратном направлении. Он снова и снова прокручивал в голове детали, как детектив, восстанавливающий картину преступления. Узкий переулок, где его накрыла паника. Потом – витрина с манекенами, вывеска пивной. Это должно быть где-то здесь, рядом.

Он шел быстро, почти бежал, лавируя в толпе, уже не обращая внимания на косые взгляды. Адреналин гнал его впе-

ред, обостряя чувства. Каждый поворот, каждый фасад дома он сканировал в поисках знакомых примет. Город вокруг него продолжал шуметь, жить своей жизнью, но для Юргена он превратился в полосу препятствий, которую нужно было преодолеть как можно скорее.

И вот – да! Та самая вывеска с толстым монахом, держащим кружку пива. Значит, он на верном пути. Сердце забилося чаще, но на этот раз от надежды, а не от страха. Он свернул за угол, потом еще раз. Улочка становилась все уже, дома – все мрачнее и обшарпаннее. Это было похоже на тот район, где он очутился.

Он увидел знакомый мусорный двор, заваленный ящиками. Проскользнул туда, стараясь остаться незамеченным. Дверь в подвал. Она была приоткрыта, как он ее и оставил.

Он нырнул внутрь, в спасительную темноту и сырость. Запах гнили и плесени теперь показался ему почти родным.

– Вережка! – прошептал он, как заклинание.

Луч фонарика метнулся к потолку. Да! Она была там. Тонкая, почти невидимая в полумраке, но такая надежная, такая реальная. Его нить Ариадны. Она уходила вверх, в ту самую точку, где, как он помнил, был портал.

Но самого портала не было.

Юрген похолодел. Там, где раньше мерцал и гудел разрыв в пространстве-времени, теперь была просто темная, пыльная стена подвала. Не было ни света, ни вибрации, ни холода. Ничего.

Паника, которую он с таким трудом подавил, снова подняла голову, готовая вцепиться ему в горло. Неужели он опоздал? Неужели портал закрылся навсегда, оставив его здесь, в этом проклятом девятнадцатом веке?

Он дернул за веревку. Она была натянута. Значит, другой ее конец все еще был там, в его лаборатории, в его времени. Но как же...

Он направил луч фонарика точно в то место, куда уходила веревка. И тут он увидел. Едва заметное, почти призрачное мерцание. Не такое яркое и интенсивное, как раньше, а скорее похожее на слабое северное сияние, на дрожание горячего воздуха над костром. Оно было почти невидимым, и если бы не веревка, указывающая точно на это место, он бы его никогда не заметил. И никакого гула. Только эта едва уловимая, почти нематериальная рябь.

Портал был еще здесь. Но он... он угасал. Как костер, в который давно не подбрасывали дров. Или как рана, которая затягивалась сама собой.

У Юргена перехватило дыхание. У него оставались считанные минуты, может быть, даже секунды. Если он не успеет, он останется здесь. Навсегда.

Он не стал медлить. Схватился за веревку обеими руками, уперся ногами в стену и начал карабкаться вверх, к этому призрачному мерцанию. Веревка скользила в его потных ладонях, мышцы горели от напряжения, но он не обращал на это внимания. Он лез, как альпинист, штурмующий послед-

нюю, самую опасную стену.

Мерцание становилось чуть ярче, когда он приближался. Он уже чувствовал знакомый холод, знакомую вибрацию, хотя и гораздо более слабую, чем раньше. Он почти добрался. Еще немного...

И тут его ноги оторвались от стены. Он повис на веревке, прямо под едва видимым разрывом. Это был последний, самый отчаянный рывок. Он подтянулся, извиваясь всем телом, пытаясь просунуть голову, плечи в это угасающее окно в его мир.

Это было похоже на рождение наоборот. Болезненное, отчаянное возвращение в лоно времени.

Он почувствовал тот же разрыв, то же сжатие и растяжение, но гораздо слабее, как далекое эхо первого перехода. Цвета, звуки, запахи – все смешалось в коротком, мутном вихре.

А потом – тишина. И знакомый запах пыли и остывшего чая. И твердый пол под ногами.

Он был в своей лаборатории.

Он рухнул на пол, как мешок с картошкой, тяжело дыша, весь мокрый от пота и покрытый подвальной грязью. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Некоторое время он просто лежал, раскинув руки, не в силах пошевелиться, пытаясь осознать, что это было. Сон? Галлюцинация? Или он действительно только что вернулся

из девятнадцатого века?

Потом он медленно сел. Огляделся. Да, это его лаборатория. Его стол, его приборы, его книги. И веревка, все еще привязанная к ножке стола, другой ее конец – грязный, потертый – лежал рядом с ним. А в углу... в углу не было ничего. Ни мерцания, ни гула, ни холода. Портал исчез. Полностью. Как будто его никогда и не было. Только легкий, едва уловимый запах озона еще витал в воздухе, как последнее напоминание о невозможном.

Он встал, шатаясь. Ноги были ватными, голова гудела. Он подошел к окну. За ним был привычный, серый Берлин 1985 года. Утренний туман, редкие «Трабанты» на улицах, далекий гул просыпающегося города. Его мир. Его время.

Он вернулся.

Чувство облегчения было таким сильным, что у него подогнулись колени, и он снова опустился на пол, смеясь и плача одновременно, как ребенок, потерявшийся и вновь нашедший дорогу домой. Он жив. Он здесь. Все закончилось.

Но потом, когда первая волна эйфории схлынула, пришло другое чувство. Не страх. Не растерянность. А какая-то холодная, почти яростная решимость.

Он был там. Он видел это. Он пережил это. И он выжил.

Да, это было опасно. Да, это было непредсказуемо. Да, он был на волосок от того, чтобы остаться там навсегда. Но он вернулся. И теперь он знал, с чем имеет дело. Не с абстрактной теорией, не с игрой воображения, а с реальной, грубой,

опасной силой. И он знал, что может ей противостоять. Может быть, даже управлять ею, хоть и в очень ограниченных пределах.

Тот Берлин девятнадцатого века, с его грязью, шумом, подозрительными обывателями и грозными солдатами, – это был суровый урок. Но этот урок не сломил его. Наоборот. Он закалил его. Он показал ему, насколько хрупок мир, насколько легко он может скатиться в хаос и насилие. И насколько важно попытаться это предотвратить.

Его миссия – устранить Гитлера – теперь казалась ему не просто абстрактной идеей, а жизненной необходимостью. Он видел, откуда растут корни того зла, которое он хотел уничтожить. Он видел ту почву, на которой оно произросло. И он понимал, что действовать нужно будет не только смело, но и очень, очень осторожно.

Он был измотан. Физически и морально. Ему нужен был отдых, еда, сон. Ему нужно было прийти в себя.

Но решимость его только крепла.

Он больше не был наивным идеалистом, мечтающим одним махом осчастливить человечество. Он стал кем-то другим. Солдатом, идущим на войну, о которой никто не знает. Одиноким воином, сражающимся с призраками прошлого, чтобы спасти будущее.

Он встал, отряхнул грязь со своей одежды. Подошел к столу и взял блокнот, который побывал с ним в другом времени. Открыл его. И начал писать. Мелким, убористым почерком.

Записывая все, что он видел, что он чувствовал, что он понимал. Это были не просто заметки. Это был его боевой устав. Его план действий.

Портал исчез. Но Юрген знал – он вернется. Такие аномалии не исчезают бесследно. И когда он вернется, Юрген Рихтер будет готов. Готов к следующему прыжку. К прыжку, который должен был изменить все.

Он был измотан. Но его решимость была тверже стали. Он вернется в прошлое. И он сделает то, что должен. Любой ценой.

Первое, что Юрген сделал, немного придя в себя и утолив первый голод куском черствого хлеба и остатками вчерашнего чая, – это попытался проанализировать свой провальный, но такой поучительный прыжок. Он сидел за своим столом, в своей лаборатории, которая теперь казалась ему невероятно безопасным и уютным местом, и методично, пункт за пунктом, разбирал все свои ошибки.

Ошибка первая: недооценка нестабильности портала. Он понадеялся на «естественное» состояние, которое видел мельком, но портал оказался гораздо более капризным и непредсказуемым. Его «выбросило» не туда и не так, как он ожидал. Вывод: перед каждым прыжком необходимо максимально точно «настраивать» портал с помощью «стабилизатора», даже если это требует больше времени и усилий. И быть готовым к тому, что переход все равно будет жестким.

Ошибка вторая: недостаточная подготовка к условиям прошлого. Одежда, язык, деньги, общие знания о быте и нравах эпохи – всего этого было катастрофически мало. Он выглядел и вел себя как инопланетянин, что сразу же вызвало подозрения. Вывод: для каждого конкретного временного периода, куда он собирается отправиться, нужна тщательнейшая подготовка. Изучить историю, культуру, диалекты. Подобрать аутентичную одежду и снаряжение. Создать легенду, которая объясняла бы его появление. Он должен был стать хамелеоном, способным слиться с любой эпохой.

Ошибка третья: отсутствие четкого плана действий на месте. Он просто пошел бродить по незнакомому городу, не имея ни карты, ни конкретной цели, кроме как «осмотреться». Это привело к дезориентации и панике. Вывод: перед каждым прыжком нужно иметь четкий, пошаговый план – куда идти, что делать, как себя вести. Изучить карты того времени, наметить ключевые точки, пути отхода. Никакой импровизации, только строгий расчет.

Ошибка четвертая: недооценка опасности самого прошлого. Он думал о нем как о декорации, как о сцене для своего «спектакля». Но прошлое оказалось живым, агрессивным, полным реальных угроз – от подозрительных обывателей до кайзеровских солдат. Вывод: он должен быть готов к сопротивлению, к насилию, к тому, что его могут арестовать, ранить или убить. Ему нужно какое-то средство самозащиты, более надежное, чем складной нож. И ему нужно

научиться быть незаметным, действовать скрытно, как шпион или диверсант.

И, наконец, самое главное: нужно лучше понять сам портал. Как он возникает? Почему он исчезает? Можно ли его контролировать более точно? Та короткая вспышка света перед тем, как его «выбросило» в прошлое, тот факт, что портал едва не закрылся, пока он там был, — все это говорило о том, что он имеет дело с чем-то крайне нестабильным и опасным.

Он вспомнил отчет профессора Раушенбаха. 1938 год. Потом его собственный опыт — сначала кайзеровский Берлин, потом более ранняя эпоха. Портал «дрейфовал» во времени, как корабль без руля и ветрил. Или же его «стабилизатор» действительно мог на это влиять, но недостаточно точно?

Юрген понял, что ему предстоит еще огромная работа. Не только по подготовке к конкретной миссии по устранению Гитлера, но и по изучению самого феномена портала. Он должен был стать не просто путешественником во времени, а своего рода «хроно-навигатором», «порталоведом». Он должен был научиться «читать» его сигналы, предсказывать его поведение, возможно, даже как-то влиять на его стабильность.

Это была задача, сравнимая по сложности с расшифровкой генома или полетом на Марс. И у него не было ни команды, ни ресурсов, ни времени. Только его собственный мозг,

его решимость и эта страшная, манящая тайна в углу его лаборатории.

Но теперь он знал, что это возможно. Он побывал там и вернулся. И это знание придавало ему силы.

Он заполнил несколько страниц своего блокнота новыми планами, схемами, расчетами. Это уже не были просто заметки. Это был чертеж будущей победы. Или будущей катастрофы.

Но одно было ясно: следующий прыжок будет другим. Он будет подготовлен. Он будет вооружен. И он будет знать, что делает. По крайней мере, он на это надеялся.

Первое путешествие закончилось. Но настоящая работа только начиналась. И она требовала от него всего, на что он был способен. И даже больше.

Часть II: Охота на Призрак Прошлого

Глава 4: Год 1895. Дилемма Браунау.

Следующие недели и месяцы превратились для Юргена в лихорадочную, почти одержимую подготовку. Портал пока молчал, не подавая признаков жизни, и это давало ему столь необходимую передышку, время для исследований и планирования. После своего катастрофического, но поучительно-го первого прыжка, он решил изменить тактику. Вместо того чтобы сразу целиться в Гитлера-политика начала тридцатых, он решил начать с самого начала. С Гитлера-ребенка.

Идея была чудовищной, отвратительной даже для него самого, но в ней была своя жестокая логика. Устранить шестилетнего Адольфа Гитлера в 1895 году в маленьком австрийском городке Браунау-ам-Инн – это было бы, технически, гораздо проще, чем пытаться ликвидировать фюрера, окруженного телохранителями и обожающей толпой. Меньше свидетелей, меньше охраны, меньше шансов на провал. И, возможно, это был бы самый «чистый» способ изменить историю, вырвать зло с корнем, пока оно еще не успело дать ядовитые всходы.

Юрген с головой ушел в изучение ранней биографии Гитлера. Он раздобыл все доступные ему книги, статьи, монографии – от официальных панегириков до критических ис-

следований западных историков. Он часами сидел в библиотеках, вчитываясь в пожелтевшие страницы, делая выписки, составляя хронологические таблицы. Его интересовало все: привычки маленького Ади, его отношения с родителями, его болезни, его друзья (если они были), его распорядок дня. Он хотел знать о нем все, чтобы найти ту самую уязвимую точку, тот самый момент, когда можно было бы... вмешаться.

Картина, которая вырисовывалась, была одновременно банальной и пугающей. Обычный мальчик из провинциальной австрийской семьи. Своенравный, избалованный матерью, часто конфликтующий с деспотичным отцом-таможенником. Не слишком прилежный ученик, больше увлекавшийся играми и рисованием. Ничто, казалось бы, не предвещало будущего монстра. И именно эта обычность, эта заурядность зла в его зародыше, пугала Юргена больше всего. Как из этого ничем не примечательного ребенка мог вырасти человек, ответственный за гибель десятков миллионов? Где произошел тот сбой, тот перелом, который превратил Адольфа Гитлера в фюрера Третьего Рейха?

Юрген изучал планы Браунау-ам-Инн конца девятнадцатого века, пытался найти дом, где жила семья Гитлеров. Он читал воспоминания современников, пытался представить себе атмосферу того времени, быт маленького городка на границе Австро-Венгрии и Германии. Он хотел вжиться в ту эпоху, понять ее, чтобы не выглядеть там чужаком.

Одновременно он работал над усовершенствованием сво-

его «стабилизатора». Он понимал, что «нацелиться» на конкретный год с такой точностью будет невероятно сложно, но он должен был попытаться. Он экспериментировал с новыми конфигурациями катушек, с модуляцией частот, пытаясь найти тот самый «резонанс», который мог бы открыть ему окно именно в 1895 год. Портал пока молчал, и это позволяло ему проводить «холостые» тесты, отслеживая малейшие изменения в остаточном фоне, который, как он заметил, все еще присутствовал в лаборатории, как призрак исчезнувшей аномалии.

Чем больше он узнавал о детстве Гитлера, тем сильнее становились его моральные терзания. Убить ребенка? Даже если этот ребенок – будущий диктатор и массовый убийца? Сможет ли он это сделать? Имеет ли он на это право? Образ шестилетнего мальчика с невинными глазами преследовал его во сне и наяву, смешиваясь с картинами концлагерей, разрушенных городов, гор трупов.

Это была дилемма, от которой разрывалось его сознание. С одной стороны – чудовищность преступления, которое он собирался совершить. С другой – чудовищность того зла, которое он хотел предотвратить. Что перевесит на весах истории? И кто он такой, чтобы быть этим судьей и палачом?

Но отступать было поздно. Цель была поставлена. И он шел к ней, шаг за шагом, как лунатик, идущий по краю пропасти, не зная, что ждет его впереди – спасение или гибель.

Браунау-ам-Инн. 1895 год. Имя этого маленького городка

и эта дата стали для Юргена символом его страшного выбора. Символом дилеммы, от которой зависела не только его собственная судьба, но и, возможно, судьба всего мира.

Он продолжал свою подготовку, пытаясь заглушить голос совести аргументами разума и исторической необходимости. Но он знал, что когда придет время действовать, когда он окажется там, лицом к лицу с этим ребенком, ему придется сделать этот выбор снова. И он не был уверен, каким он будет.

Портал ожил внезапно, без всякого предупреждения, как затаившийся хищник, решивший наконец показать себя. Это случилось глубокой ночью, когда Юрген, измученный многодневными бдениями над книгами и чертежами, задремал прямо за лабораторным столом. Его разбудил знакомый низкочастотный гул и ощущение холода, проникающего сквозь закрытые окна. Он вскочил. В углу лаборатории снова мерцал разрыв, на этот раз более тусклый, более нестабильный, чем прежде, но несомненно – это был он.

Сердце Юргена заколотилось. Время пришло. Сейчас или никогда.

Он бросился к своему «стабилизатору». Прибор был уже настроен на те параметры, которые, по его расчетам, должны были соответствовать концу девятнадцатого века, плюс-минус несколько лет. Но теперь ему нужно было попытаться «поймать» именно 1895 год и, если это вообще возможно,

как-то «нацелиться» на конкретную географическую точку – Браунау-ам-Инн. Это казалось почти невыполнимой задачей, учитывая кустарность его оборудования и полное отсутствие понимания принципов работы самого портала. Но он должен был попытаться.

Он включил «стабилизатор» и начал медленно, очень осторожно вращать ручки настройки, одновременно вглядываясь в мерцающую завесу портала. Это было похоже на попытку настроить старинный радиоприемник на очень слабую, удаленную станцию, сквозь треск помех и вой атмосферных разрядов. Портал реагировал вяло, неохотно. Искаженные образы за его завесой менялись хаотично: то проступали какие-то неясные пейзажи, то городские улицы, то просто цветочные пятна. Никакой системы, никакой логики.

Юрген работал интуитивно, методом проб и ошибок, почти как шаман, вызывающий к духам. Он менял частоту, мощность, направление излучения, пытаясь уловить малейшее изменение в поведении портала, малейший намек на то, что он приближается к цели. Он ориентировался на те смутные, почти подсознательные ощущения, которые он испытывал при предыдущих «просмотрах»: определенный оттенок мерцания, специфическую вибрацию в воздухе, даже запахи, которые, как ему казалось, иногда просачивались из прошлого.

Часы шли. Юрген потерял счет времени. Он был полностью поглощен этим странным, почти мистическим процессом «настройки». Его глаза покраснели от напряжения, ру-

ки дрожали от усталости, но он не сдавался. Он знал, что у него, возможно, не будет другого шанса. Портал мог снова исчезнуть в любой момент.

И вдруг... что-то изменилось. Мерцание портала стало более ровным, гул – чуть глубже. Искаженные образы за завесой начали медленно проясняться. Он увидел... да, это был небольшой городок. Узкие улочки, черепичные крыши, остроконечная колокольня церкви. Это не был Берлин. Это было что-то другое. Более провинциальное, более тихое.

Юрген затаил дыхание. Он медленно, очень осторожно подкрутил одну из настроечных ручек. Изображение на мгновение расплылось, а потом снова сфокусировалось. Он увидел реку. Широкую, спокойную реку, на берегу которой стоял этот городок. И мост. Старый, каменный мост.

Браунау-ам-Инн стоял на реке Инн. Это было оно. Он почти не сомневался.

Но какой это был год? Он не мог разглядеть никаких деталей, которые бы точно указывали на дату. Одежда людей, которые мельком появлялись на улицах, казалась подходящей для конца девятнадцатого века, но это было слишком расплывчато.

Он попробовал еще немного изменить настройки. И тут портал отреагировал сильнее. Мерцание стало ярче, и на одно короткое мгновение он увидел... вывеску. Название улицы, написанное готическим шрифтом. И номер дома. Он не успел прочитать название, но цифры «219» отпечатались в

его памяти. Адрес, где в 1889-1892 годах жил Алоиз Гитлер со своей семьей, был Salzburger Vorstadt, 219. Значит, это либо тот самый период, либо очень близкий к нему. Если сейчас 1895 год, то семья Гитлеров уже переехала из Браунау. Но Адольфу было шесть лет. И его детство все еще было связано с этим городом.

Юрген не был уверен на сто процентов. Его «нацеливание» было слишком грубым, слишком интуитивным. Но он чувствовал, что это – его лучший шанс. Он не мог упустить его.

Он зафиксировал настройки «стабилизатора». Проверил свое скромное снаряжение: нож, спички, несколько австро-венгерских крон (на этот раз он подготовился лучше), блокнот. Темная, неброская одежда. И веревка, его нить Ариадны, уже привязанная к столу.

Он подошел к portalу. Тот все еще мерцал, но теперь в этом мерцании была какая-то стабильность, какая-то определенность. Окно в Браунау-ам-Инн конца девятнадцатого века было открыто. Ненадолго.

Он глубоко вздохнул. Дилемма все еще терзала его. Но решение было принято.

Он шагнул в мерцающую бездну.

На этот раз переход был мягче, чем в первый раз. Не было того оглушительного хаоса, того чувства, что его разрывают на части. Скорее, это было похоже на быстрое погружение в холодную, вязкую воду. Короткий миг дезориентации – и он

снова стоял на твердой земле.

В том же самом подвале. Но на этот раз он знал, где он. И, возможно, когда.

Подвал встретил его знакомым запахом сырости и тлена, но теперь в нем не было той первобытной жути, которая охватила его в первый раз. Теперь это было почти знакомое место, точка входа, его временный плацдарм в прошлом. Портал за его спиной еще слабо мерцал, значит, на этот раз «стабилизатор» сработал лучше, или само явление было более устойчивым. Веревка, как и прежде, надежно связывала его с его временем.

Он быстро выбрался из подвала на тот же замусоренный задний двор, а оттуда – на улицу.

Браунау-ам-Инн. Он сразу понял, что это не Берлин. Городок был маленьким, почти игрушечным по сравнению со столичным монстром. Узкие, кривые улочки, вымощенные неровным булыжником, петляли между двух- и трехэтажными домами с высокими черепичными крышами и маленькими окошками. Воздух был чище, чем в Берлине, но в нем витал специфический запах провинции – смесь дыма из печных труб, свежего навоза (по улицам то и дело проезжали крестьянские телеги, запряженные волами или лошадьми), запаха пекарни и еще чего-то неуловимо деревенского.

Было раннее утро, но городок уже просыпался. Открывались ставни, скрипели двери, хозяйки выходили подметать

крыльцо. По улицам спешили редкие прохожие: ремесленники в кожаных фартуках, торговцы с корзинами, женщины в простых темных платьях и чепцах. Их лица были суровыми, обветренными, не привыкшими к праздности. Говорили они на певучем австрийском диалекте, который Юрген понимал еще хуже, чем берлинский говор.

Но атмосфера здесь была другой. Не такой напряженной и враждебной, как в столице. Люди казались проще, спокойнее. Хотя любопытные взгляды на него, чужака в странной одежде, он все же ловил.

Он прошел по главной улице, которая вела к рыночной площади. В центре площади возвышалась ратуша с часами и небольшая церковь с остроконечной колокольней, очень похожая на ту, что он видел в «окне» портала. Вокруг площади располагались немногочисленные магазины – бакалейная лавка, скобяная, аптека, трактир с вывеской, изображающей золотого льва. Все было маленьким, уютным, почти сонным. Трудно было поверить, что именно в этом тихом, патриархальном городке родился человек, который перевернет весь мир.

Юрген старался не привлекать к себе внимания. Он двигался медленно, наблюдая, запоминая, пытаясь вписаться в эту незнакомую среду. Он купил в пекарне еще теплую булку – австро-венгерские кроны, которые он приготовил, оказались кстати – и съел ее, сидя на скамейке у реки. Инн был широким и спокойным, его воды лениво текли к Дунаю. На

другом берегу виднелись поля и леса. Мирный, почти идиллический пейзаж.

Но Юрген не обманывался этой пасторальной картиной. Он знал, что под этой внешней благопристойностью скрываются те же человеческие страсти, те же социальные противоречия, та же национальная спесь и ксенофобия, которые через несколько десятилетий взорвут Европу. И именно здесь, в этом сонном городке, где-то совсем рядом, сейчас жил или, по крайней мере, часто бывал шестилетний мальчик по имени Адольф Гитлер.

Его цель была близка. И от этой близости у него снова начинали дрожать руки. Дилемма Браунау. Она стояла перед ним во всей своей ужасающей простоте.

Он поднялся со скамейки. Пора было начинать поиски. Он должен был найти дом семьи Гитлеров. Или то место, где мог бы играть маленький Ади. И тогда... тогда ему придется сделать то, ради чего он пришел.

Или не сделать.

Эта мысль все еще преследовала его, как неотвязная тень.

Найти семью Гитлеров в маленьком Браунау оказалось не так уж сложно, как опасался Юрген. Алоиз Гитлер, отец Адольфа, был фигурой заметной – таможенный чиновник, человек государственный, хоть и невысокого ранга. К тому же, как выяснил Юрген из своих исторических изысканий, Алоиз был известен своим вспыльчивым характером и любо-

вью к трактирам, что делало его еще более запоминающимся для местных обывателей.

Юрген начал с того, что зашел в тот самый трактир «У Золотого Льва» на рыночной площади. Заказал кружку пива — кислого, тепловатого, совсем не похожего на то, что он пил в Берлине — и попытался разговорить трактирщика, полного, краснолицего мужчину с пышными бакенбардами. Юрген представился приезжим исследователем, интересующимся местной историей и знаменитыми жителями (опасная, но необходимая ложь).

— Алоиз Гитлер? — трактирщик на мгновение задумался, протирая кружку грязноватой тряпкой. — А, тот самый таможенник! Как же, помню. Нервный был господин, шумный. Любил тут посидеть вечером, поругаться на правительство да на жидов. Но уж года три как уехал от нас. Вроде бы в Пассау его перевели, или еще куда подальше. С тех пор и не слышно.

Три года. Значит, семья Гитлеров уже не жила в Браунау в 1895-м, если сейчас действительно этот год. Это немного сбивало Юргена с толку. Но он знал, что Клара Гитлер, мать Адольфа, была родом из этих краев, и они могли приезжать сюда в гости к родственникам. Или же его «нацеливание» все-таки было неточным, и он попал в чуть более ранний период, когда Гитлеры еще жили здесь. Он решил не отчаиваться.

Он поблагодарил трактирщика и вышел на улицу. Нужно

было искать другие зацепки. Он вспомнил адрес, который видел в «окне» портала, и который упоминался в биографиях – Salzburger Vorstadt, 219. Это было его следующее направление.

Зальцбургское предместье оказалось районом победнее, чем центральная часть города. Дома здесь были меньше, улицы – грязнее. Юрген шел, внимательно разглядывая номера домов. Вот, наконец, дом номер 219. Трехэтажное, ничем не примечательное здание с облупившейся штукатуркой и потускневшими от времени ставнями. На первом этаже располагалась какая-то мастерская – оттуда доносился стук молотка.

Юрген постоял напротив, пытаясь представить, как здесь жила семья Гитлеров. Как маленький Адольф играл во дворе, как Клара выходила за продуктами, как Алоиз возвращался вечером с работы, усталый и злой. История оживала перед его глазами, но это была не та возвышенная, героическая история, о которой пишут в учебниках. Это была история маленьких людей, их повседневных забот, их мелких радостей и больших трагедий. И именно из этой обыденности, из этой серости, как из болотного газа, и родилось то чудовищное зло, с которым он пришел бороться.

Он не решился зайти внутрь. Что он мог там найти? Семьи Гитлеров там уже, скорее всего, не было. А привлекать к себе лишнее внимание, расспрашивая нынешних жильцов, было бы слишком опасно.

Вместо этого он решил просто побродить по окрестным улочкам, по берегам Инна, по тем местам, где мог бы гулять или играть шестилетний мальчик. Он искал не дом, он искал ребенка.

Он заходил в маленькие дворики, заглядывал в открытые ворота, прислушивался к детским голосам. Он видел много детей – чумазых, босоногих, играющих в свои нехитрые игры. Но ни один из них не был похож на те немногие фотографии маленького Адольфа, которые ему попадались.

Время шло. Солнце поднималось все выше, городок ожидал. Юрген чувствовал, как нарастает усталость и разочарование. Может быть, его затея была бессмысленной? Может быть, он ищет иголку в стоге сена, которой там уже давно нет?

И тут, когда он уже почти отчаялся, он его увидел.

Мальчик сидел на берегу реки, чуть поодаль от моста, и что-то увлеченно рисовал угольком на обрывке серой бумаги. Он был один. Лет шести-семи, худощавый, со светлыми, почти белесыми волосами, в простой, но чистой одежде. Лицо его было серьезным, сосредоточенным.

Юрген замер. Что-то в этом мальчике, в его позе, в его отрешенности от окружающего мира, показалось ему знакомым. Он медленно, стараясь не спугнуть, начал подходить ближе.

Мальчик поднял голову.

И Юрген увидел его глаза. Бледные, водянисто-голу-

бие, с каким-то странным, недетским выражением – смесью упрямства, обиды и чего-то еще, чего Юрген не мог определить.

Это был он. Адольф Гитлер.

Юрген почувствовал, как у него перехватило дыхание. Вся его подготовка, все его моральные терзания, все его планы – все это вдруг отошло на второй план перед этой простой, ужасающей реальностью.

Он стоял в нескольких шагах от шестилетнего ребенка, который через несколько десятилетий станет одним из самых страшных монстров в истории человечества.

И этот ребенок смотрел на него. Спокойно. Выжидающе. Что делать?

Сердце Юргена колотилось так, что, казалось, вот-вот проломит ребра. Он сделал несколько шагов назад, скрываясь за раскидистым кустом, росшим у самой воды. Мальчик, будущий фюрер, какое-то время еще смотрел в ту сторону, куда исчез незнакомец, потом снова склонился над своим рисунком. Юрген наблюдал за ним из своего укрытия, пытаясь совладать с бурей эмоций, бушевавшей внутри.

Это он. Без сомнения. Те же водянистые глаза, тот же упрямый подбородок, даже та самая манера чуть наклонять голову, которую Юрген замечал на поздних фотографиях и в кинохронике. Шестилетний Адольф Гитлер. Сидит на берегу Инна и рисует угольком. Такая обыденная, почти пас-

торальная сцена. И такая чудовищная в своей простоте.

Юрген смотрел, как замороженный. Мальчик был полностью поглощен своим занятием. Он что-то бормотал себе под нос, иногда хмурился, иногда удовлетворенно улыбался. Обычный ребенок. Играет. Мечтает. И в то же время – уже не обычный. Уже тогда, в этом маленьком австрийском городке, в этом хрупком детском теле, зрело то семя зла, которое потом прорастет и даст ядовитые плоды.

Через некоторое время мальчик закончил рисовать. Он поднял свой листок, полюбовался им, потом аккуратно сложил и сунул в карман своих коротких штанишек. Встал, отряхнулся и пошел вдоль реки, в сторону города.

Юрген, стараясь держаться на безопасном расстоянии и не привлекать внимания, последовал за ним.

Адольф шел неторопливо, иногда останавливаясь, чтобы пнуть камень или посмотреть на проплывающую мимо лодку. Он не оглядывался. Он был погружен в свои мысли, в свой детский мир. Он дошел до того самого дома номер 219 на Зальцбургском предместье, который Юрген уже видел. Постучал в дверь. Дверь открыла женщина – полноватая, с добрым, но немного усталым лицом. Клара Гитлер. Она что-то сказала мальчику, тот кивнул и проскользнул внутрь. Дверь закрылась.

Значит, Гитлеры все-таки были в Браунау. Или, по крайней мере, Клара с Адольфом. Может быть, они приехали навестить родственников. Или это был действительно более

ранний период, чем 1895 год. Юрген не знал. Но это уже не имело значения. Главное – он нашел свою цель.

Он остался наблюдать за домом издалека, спрятавшись в тени какого-то сарая на противоположной стороне улицы. Он видел, как Клара вышла на крыльцо и развесила на веревке постиранное белье. Видел, как из окна на первом этаже выглянул какой-то мужчина (не Алоиз, кто-то другой – может быть, родственник, у которого они остановились). Слышал обрывки разговоров, детский смех. Обычная жизнь обычной семьи.

А потом он снова увидел Адольфа. Он выскочил из дома с каким-то другим мальчиком, чуть постарше, и они начали играть прямо на улице, гоня палкой старый, дырявый мяч. Адольф был подвижным, азартным, он кричал, смеялся, толкался. Обычный мальчишка, играющий со своим приятелем.

Юрген смотрел на него, и в его душе боролись два чувства. Отвращение и... жалость? Да, как это ни странно, ему было немного жаль этого ребенка. Ребенка, которому еще только предстояло стать монстром. Ребенка, чью судьбу, возможно, еще можно было изменить.

Но как? Убить его? Здесь, на улице, на глазах у его матери, у его друга? Нет. Он не мог. Рука не поднялась бы.

Значит, нужно было искать другой способ. Другой момент.

Он продолжал наблюдать. За домом. За мальчиком. Он должен был узнать его привычки, его маршруты, его уяз-

вимые места. Он стал тенью маленького Адольфа Гитлера, невидимым ангелом-хранителем наоборот. Ангелом смерти.

Солнце поднималось все выше. Город жил своей жизнью. А Юрген Рихтер, пришелец из будущего, сидел в тени старого сарая и наблюдал за шестилетним ребенком, в руках которого, сам того не зная, он держал судьбу всего мира. И он все еще не знал, что с этой судьбой делать.

Чем дольше Юрген наблюдал за маленьким Адольфом, тем сильнее становилась его внутренняя борьба. Каждая детская улыбка, каждый смех, каждая невинная шалость этого шестилетнего мальчика были как удар ножом в его решимость. Это был не тот демонический фюрер с плакатов и кинохроники. Это был просто ребенок. Ребенок, который играл, смеялся, плакал, когда ударялся коленкой, радовался новой игрушке или куску пирога. Ребенок, который еще не совершил ничего из тех чудовищных преступлений, за которые Юрген пришел его судить.

Убить ребенка? Даже если этот ребенок – будущий Гитлер? Мысль эта казалась все более омерзительной, все более невозможной. Разве он, Юрген Рихтер, ученый, гуманист, марксист, верящий в светлое будущее человечества, мог опуститься до такого? Уподобиться тем самым палачам, которых он так ненавидел? Стать убийцей детей, даже во имя самой благой цели?

Он вспоминал свои теоретические обоснования, свои раз-

говоры с самим собой о «меньшем зле», об «исторической необходимости». Но теперь, перед лицом этого живого, реального ребенка, все эти абстрактные концепции рассыпались в прах. Это было не уравнение, которое нужно было решить. Это была человеческая жизнь. И он не имел права ее отнимать. Даже если эта жизнь в будущем принесет неисчислимые страдания.

Но что тогда? Просто уйти? Вернуться в свое время, оставив все как есть? Позволить истории идти своим кровавым путем? Нет. Этого он тоже не мог. Он уже заглянул за кулисы, он уже увидел нити, из которых ткется трагедия. И он не мог просто отвернуться и сделать вид, что ничего не было.

Он должен был что-то сделать. Но что?

Может быть, похитить его? Увезти куда-нибудь, спрятать, воспитать по-другому? Но как? Куда? Он был один, в чужом времени, без ресурсов, без помощи. Это была еще более безумная идея, чем простое убийство.

Или попытаться повлиять на его воспитание? Найти его родителей, поговорить с ними, предупредить? Но кто его послушает? Чужака со странным акцентом, говорящего несусветные вещи о будущем. Его просто примут за сумасшедшего и сдадут в полицию.

Юрген чувствовал себя загнанным в угол. Он был как хирург, перед которым лежит пациент с неизлечимой болезнью. Он мог либо попытаться провести рискованную, почти безнадежную операцию, которая может убить пациента на

месте. Либо не делать ничего и позволить болезни развиваться, зная, что она все равно приведет к мучительной смерти. Что выбрать?

Он смотрел, как Адольф играет со своим другом. Они строили что-то из песка и веточек у самой воды. Маленький Ади командовал, размахивал руками, что-то увлеченно объяснял. Уже тогда в нем проявлялись задатки лидера, организатора. Или просто обычного, активного ребенка?

Юрген закрыл глаза. Образы из будущего – горящий Рейхстаг, марширующие колонны штурмовиков, дымящиеся трубы крематориев, разрушенный Сталинград – смешались в его сознании с образом этого маленького, ни в чем не повинного мальчика, играющего на берегу реки.

Это была не просто дилемма. Это была пытка. Пытка выбором, которого не должно было быть. Пытка ответственностью, которую он сам на себя взвалил.

Он думал о своей матери. О том, как она его любила, как оберегала. Мог бы он убить ребенка, зная, что у него тоже есть мать, которая его любит, которая видит в нем свое будущее, свою надежду?

Нет. Наверное, нет. Но тогда... тогда его миссия провалена? Тогда все было зря?

Он открыл глаза. Адольф все еще играл. Он споткнулся, упал, заплакал. Его друг помог ему подняться, отряхнул ему штанишки. Обычные дети.

И вдруг Юргену пришла в голову другая мысль. А что ес-

ли... что если проблема не только в Гитлере? Что если он – лишь продукт своей эпохи, своей среды? Что если, даже устранив его, он не изменит ничего кардинально, потому что на его место придет кто-то другой, такой же или еще хуже? Ведь Германия того времени была полна реваншизма, анти-семитизма, жажды сильной руки.

Может быть, нужно было бороться не с личностью, а с условиями, которые порождают таких личностей? Но как это сделать ему, одиночке из будущего?

Внутренняя борьба разрывала его на части. Он чувствовал себя одновременно и богом, держащим в руках нити судеб, и ничтожной пешкой, не способной изменить ничего.

И чем дольше он смотрел на этого ребенка, тем яснее становилось одно: он не сможет его убить. Не так. Не сейчас. Может быть, никогда.

Значит, нужно искать другой путь. Другую точку приложения сил. Другую мишень.

Но какую?

Решение пришло само собой, как это часто бывает в моменты отчаяния – не как результат логических умозаключений, а как интуитивный порыв. Если он не мог убить ребенка, может быть, он мог... поговорить с ним? Или, по крайней мере, приблизиться, понаблюдать с более близкого расстояния, попытаться понять, что же в этом обычном, на первый взгляд, мальчике уже тогда предвещало будущего мон-

стра? Это было рискованно, но все же лучше, чем просто сидеть и мучиться своей нерешительностью.

Юрген решил замаскироваться под бродячего торговца или фокусника – такой персонаж не вызвал бы слишком много подозрений в маленьком провинциальном городке и дал бы ему повод заговорить с детьми. Он вспомнил, что в его кармане, среди прочего хлама, который он прихватил из своего времени, была небольшая коробочка с цветными карандашами – подарок племяннице, так и не врученный. Карандаши в эту эпоху были, наверное, не такой уж большой редкостью, но и не повседневной вещью для детей из небогатых семей. Это могло стать его «приманкой».

Он немного привел себя в порядок, насколько это было возможно в его положении, пригладил волосы, постарался придать лицу самое добродушное и безобидное выражение. Потом вышел из своего укрытия и медленно направился к тому месту на берегу реки, где все еще играли Адольф и его приятель.

Когда он подошел ближе, мальчишки заметили его и настороженно замолчали. Адольф смотрел на него своими водянистыми глазами без страха, но с явным любопытством. Его друг, тот, что был постарше, выглядел более испуганным и прижался к Адольфу.

– Grüß Gott, молодые люди, – сказал Юрген, стараясь говорить на том самом певучем австрийском диалекте, который он успел немного подхватить, наблюдая за местными.

Голос его, к счастью, не дрогнул. — Что это вы тут такое интересное строите?

Мальчишки переглянулись. Адольф первый ответил, его голос был тонким, но уверенным:

— Замок. Это будет самый большой замок на всем Инне.

— О, это замечательно! — Юрген улыбнулся как можно приветливее. — Я вижу, вы настоящие архитекторы. А любите ли вы рисовать такие замки? У меня тут случайно есть кое-что для настоящих художников.

Он полез в карман и достал коробочку с цветными карандашами. Раскрыл ее. Яркие, разноцветные стержни блеснули на солнце.

Глаза Адольфа загорелись. Он никогда раньше не видел столько карандашей сразу, да еще таких ярких. Его друг тоже вытянул шею, с любопытством разглядывая невиданное сокровище.

— Хотите попробовать? — спросил Юрген, протягивая коробочку. — Я как раз иду в город, хотел продать их там, но если вы такие талантливые строители и художники, то, может быть, я мог бы вам их подарить? Или обменять на какой-нибудь секрет вашего мастерства?

Он старался говорить легко, непринужденно, как говорят с детьми. Но внутри у него все сжималось. Он был так близко. Он мог бы протянуть руку и...

Адольф недоверчиво посмотрел на него, потом на карандаши. Борьба желания и осторожности отразилась на его дет-

ском лице.

– А вы кто такой? – спросил он, все еще не решаясь взять коробочку.

– Я? Я... я просто путешественник, – сказал Юрген, немного растерявшись. – Хожу по городам, смотрю, как люди живут. Иногда что-нибудь продаю, чтобы заработать на хлеб. Вот, карандаши привез из далекой страны.

– Из какой? – тут же спросил Адольф. Его любопытство пересиливало подозрительность.

– О, это очень-очень далекая страна, – Юрген улыбнулся. – Там все по-другому. Там есть машины, которые ездят без лошадей, и ящики, которые показывают движущиеся картинки...

Он сам не заметил, как увлекся, рассказывая этим детям из прошлого о чудесах своего времени, стараясь, конечно, не говорить ничего лишнего, что могло бы их напугать или вызвать еще больше подозрений. Мальчишки слушали, раскрыв рты. Особенно Адольф. В его глазах горел тот самый огонек нездорового интереса к чему-то новому, необычному, что потом так часто будут отмечать его биографы.

Юрген почувствовал, что ему удалось наладить контакт. Он был так близко к своей цели – не к убийству, нет, но к чему-то другому. К возможности... повлиять? Предупредить? Он не знал.

И тут...

– Адольф! Адольф, иди сюда! Обед готов!

Это был женский голос, звавший с той стороны улицы, от дома номер 219. Клара Гитлер.

Адольф вздрогнул, как будто очнулся от сна. Он посмотрел на Юргена, потом на карандаши, потом в сторону дома.

– Мне пора, – сказал он быстро. – Мама зовет.

Он уже хотел было бежать, но Юрген остановил его.

– Подожди. Возьми. Это тебе. – Он протянул ему коробочку с карандашами. – Рисуй свои замки. И... и будь хорошим мальчиком, Адольф.

Адольф недоверчиво взял коробочку. Его пальцы коснулись руки Юргена. На мгновение их взгляды встретились. И в этот момент Юргену показалось, что он видит в этих детских глазах не только любопытство, но и какую-то холодную, пронизывающую пустоту. Как будто там, за невинной детской внешностью, уже скрывался тот самый, будущий...

Мальчик пробормотал что-то вроде «спасибо», схватил карандаши и бросился бежать к дому, даже не попрощавшись. Его друг побежал за ним.

Юрген остался один на берегу реки. В руке у него все еще ощущался холод от прикосновения детских пальцев.

Он попытался приблизиться. Он даже поговорил с ним. И подарил ему карандаши. Карандаши, которыми, возможно, будущий фюрер нарисует свои первые человеконенавистнические карикатуры.

Что он сделал? Помог ему? Или наоборот, подтолкнул его на тот путь, с которого уже не будет возврата?

Юрген не знал. Он чувствовал себя опустошенным и растерянным. Его попытка «мягкого» вмешательства закончилась ничем. Или, может быть, чем-то еще худшим, чем он мог себе представить.

Юрген еще некоторое время стоял на берегу, пытаюсь осмыслить произошедшее. Он все еще держал в руке несколько цветных карандашей, которые не отдал Адольфу – синий, зеленый и красный. Цвета неба, травы и крови. Символично.

Он повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал яростный лай. Со стороны дома Гитлеров. Лай был злобным, залихватским, таким, какой бывает у цепных псов, учуявших чужака. Юрген замер. Он не видел никакой собаки, когда Адольф играл у реки.

И тут дверь дома номер 219 с треском распахнулась, и на крыльцо вышел мужчина. Высокий, грузный, с рыжеватыми, торчащими в разные стороны усами и налитыми кровью глазами. В руках он держал охотничье ружье, двустволку. Это был не тот мужчина, которого Юрген видел в окне раньше. Это был Алоиз Гитлер. Собственной персоной. В ярости.

– Was ist hier los?! – рявкнул он громовым голосом, который, казалось, заставил задрожать стекла в окнах. (Что здесь происходит?!) – Wer hat meinen Hund aufgescheucht?! (Кто взбудоражил мою собаку?!)

Из дома выскочила Клара, бледная, испуганная, пытаюсь

успокоить мужа. Адольф и его приятель жались к ее юбке, тоже напуганные. Собака – большой, черный пес, похожий на ротвейлера, – вырвалась со двора и с лаем бросилась в ту сторону, где только что стоял Юрген.

Случайность. Глупая, нелепая случайность. Собака, которую он не заметил. Может быть, она была в доме или на заднем дворе. И она учуяла его, чужака.

Юрген понял, что его заметили. Алоиз Гитлер, со своим ружьем, уже шарил глазами по берегу, пытаясь разглядеть, кто же там прячется. Если он его увидит... если он свяжет его появление с испугом собаки, с рассказами Адольфа о странном незнакомце с цветными карандашами...

У Юргена не было времени на размышления. Инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем мозг. Он бросился бежать. Вдоль реки, прочь от города, прочь от этого проклятого дома, от этой сумасшедшей семьи, от этого безумного времени.

За спиной он слышал яростный лай собаки, которая, казалось, вот-вот его настигнет. Слышал крики Алоиза, что-то вроде «Halt! Stehen bleiben, oder ich schieße!» (Стой! Стоять, или я буду стрелять!). Но Юрген не оглядывался. Он бежал так, как никогда в жизни не бегал. Он спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Кусты хлестали его по лицу, камни ранили ноги, но он не чувствовал боли. Он чувствовал только страх. Животный, первобытный страх.

Ему нужно было добраться до подвала. До веревки. До

портала. Это был его единственный шанс.

Собачий лай приближался. Юрген уже слышал ее тяжелое дыхание за своей спиной. Он не сомневался, что Алоиз Гитлер, в своей ярости и подозрительности, мог выстрелить. И он не сомневался, что собака, если догонит, вцепится ему в горло.

Это был конец. Конец его миссии, конец его жизни. Все из-за какой-то проклятой собаки. Из-за нелепой случайности.

Но потом он вспомнил. Портал. Он должен был быть еще открыт. И он был уже недалеко. Тот самый поворот реки, тот самый обрыв, под которым находился вход в подвал.

Он сделал последний, отчаянный рывок. Собака была уже в нескольких метрах от него. Он слышал, как щелкнули ее зубы.

Он бросился вниз по склону, кубарем скатившись к самому входу в подвал. Вскочил на ноги, нырнул в темноту. Собака, с визгом затормозив на краю обрыва, не решилась последовать за ним.

Но Алоиз... Алоиз был уже близко. Юрген слышал его тяжелые шаги и ругательства.

Он должен был торопиться. Он метнулся к тому месту, где должна была быть веревка. Портал... он все еще слабо мерцал. Слава богу, он не закрылся.

Он схватил веревку, судорожно начал подтягиваться, не обращая внимания на боль в руках. Он слышал, как Алоиз

вошел в подвал, как он что-то кричал, как он шарил в темноте.

Еще немного. Еще чуть-чуть.

И снова – спасительный рывок в неизвестность. В холод. В хаос. Но на этот раз этот хаос был желанным. Он был спасением.

Когда Юрген снова рухнул на пол своей лаборатории, он еще долго не мог прийти в себя. Он был весь в грязи, в царапинах, его одежда была порвана. Но он был жив. И он был один.

Случайность. Она едва не погубила его. И она же, возможно, спасла его от совершения чудовищного поступка.

Дилемма Браунау осталась неразрешенной. Но теперь Юрген знал: охота на Гитлера будет гораздо опаснее и непредсказуемее, чем он мог себе вообразить. И случайность... случайность в этой охоте будет играть не последнюю роль.

Лежа на холодном полу лаборатории, тяжело дыша, Юрген пытался собрать воедино обрывки мыслей, которые метались в его голове, как стая обезумевших птиц. Бегство. Унизительное, паническое бегство от разъяренного таможенника с ружьем и злобной собаки. И все из-за чего? Из-за попытки заговорить с ребенком, из-за коробки цветных карандашей. Какая ирония. Он пришел в прошлое, чтобы изменить ход истории, чтобы стать вершителем судеб, а в итоге

едва унес ноги, как нашкодивший мальчишка.

Эта первая, пусть и неудачная, вылазка с конкретной целью, показала ему всю сложность задуманного. Прошлое – это не статичная картинка из учебника, где можно просто подойти и переставить фигуры. Это живой, дышащий, непредсказуемый организм. Даже такой, казалось бы, простой план – понаблюдать за ребенком, возможно, попытаться наладить контакт – обернулся смертельной опасностью. Что же будет, когда он попытается совершить нечто более серьезное?

Он понял, что недооценил множество факторов: агрессивность окружения, подозрительность местных жителей, роль случайности. Его знания истории, почерпнутые из книг, оказались недостаточными, чтобы ориентироваться в реальной обстановке прошлого.

Эта неудача не сломила его решимости, но заставила серьезно задуматься. Наивный план "прийти и исправить" рассыпался в прах. Теперь он понимал, что каждая следующая попытка потребует гораздо более тщательной подготовки, более глубокого понимания эпохи, более изощренной тактики. И, возможно, большей готовности к риску и даже к насилию, если это потребуется для самозащиты.

Мысль о том, что «прошлое может сопротивляться», еще не оформилась у него в четкую концепцию. Но первые зерна сомнения в легкости его миссии были посеяны. Он столкнулся с первым реальным отпором, пусть и в виде разъярен-

ного отца и его собаки. И этот отпор заставил его понять, что его путь будет гораздо труднее, чем он себе представлял.

Он поднялся, подошел к умывальнику, плеснул холодной воды в лицо. В зеркале на него смотрел незнакомый, осунувшийся человек с дикими, затравленными глазами. Да, эта вылазка оставила на нем свои отметины.

Но Юрген не собирался сдаваться. Эта неудача лишь укрепила его в мысли, что он должен действовать умнее, расчетливее. Он вернется. Но в следующий раз он будет готов к тому, что прошлое – это не просто сцена для его действий, а полноправный, и возможно, враждебный участник этой смертельной игры. Битва только начиналась. И она требовала от него стать кем-то большим, чем просто ученым с благими намерениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.